

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

**КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

ГОВОРЯТ СЕРИЙНЫЕ УБИЙЦЫ

**ПЯТЬ ИСТОРИЙ
МАНЬЯКОВ**

**ДЖОЭЛ
НОРРИС**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Джоэл Норрис

**Говорят серийные убийцы.
Пять историй маньяков**

«Алгоритм»

УДК 343.91
ББК 67.51

Норрис Д.

Говорят серийные убийцы. Пять историй маньяков / Д. Норрис — «Алгоритм», — (Человек преступный. Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-907028-10-4

Эта книга перенесет вас в странный и искаженный мир серийного убийцы. Маньяки встречаются относительно редко. Они представляют собой одну из самых мрачных сторон человеческой природы, сочетая наиболее примитивные и извращенные формы сексуальности с яркой агрессивностью, соединение этих черт толкает их на криминальное поведение. Крайняя степень извращенности неизбежно наводит ужас и в то же время вызывает интерес. Захватывающее повествование Джоэла Норриса раскрывает суть подобной личности, выявляет причины, способствующие формированию синдрома серийного убийцы. В предлагаемую книгу вошли пять историй людей, чья жестокость ушла далеко за границу нормы. Пять портретов самых чудовищных маньяков XX века, созданных на основе бесед психиатра с убийцами.

УДК 343.91
ББК 67.51

ISBN 978-5-907028-10-4

© Норрис Д.
© Алгоритм

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Природа серийного убийцы	12
Серийный убийца среди нас	12
Фазы состояния серийного убийцы	19
Болезнь серийного убийства	27
Серийные убийцы сегодня	34
Анатомия серийного преступления: убийца, жертвы и общество	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джоэл Норрис
Говорят серийные убийцы.
Пять историй маньяков

© Д. Норрис, перевод – О. Кутумина, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Предисловие

Эта книга перенесет вас в странный и искаженный мир серийного убийцы. Серийные убийцы встречаются относительно редко. Они воплощают одну из самых мрачных сторон человеческой природы, сочетая наиболее примитивные и извращенные формы сексуальности с яркой агрессивностью. Соединение этих черт толкает их на криминальное поведение. Крайняя степень извращенности неизбежно наводит ужас и в то же время вызывает интерес. Захватывающее повествование Джоэла Норриса раскрывает суть такой личности и выявляет причины, способствующие формированию синдрома серийного убийцы.

Сегодня, когда Америку захлестнула волна насилия, сказывающаяся на всех сторонах жизни общества, книга Норриса особенно актуальна. За редким исключением, мы откликаемся на рост жестокости сугубо по-американски – призываем на помощь «закон и порядок», требуем более суровых приговоров для преступников и ведем борьбу за расширение применения смертной казни. Наши тюрьмы и колонии переполнены, несмотря на то что их строится все больше и больше. Мы начисто отказались от идеи реабилитации правонарушителей. Места заключения – это, по сути, склады для отходов общества, обучение и профессиональная ориентация, осуществляемые в них, – чисто символические. Показатель рецидивизма высок и не обнаруживает тенденции к снижению. Стоимость строительства и содержания мест лишения свободы дошла до такого уровня, что налогоплательщикам впору заняться поиском альтернативных путей решения проблемы наказаний за совершение преступлений. Наш обычный подход «с глаз долой – из сердца вон» обходится слишком дорого. В своей книге доктор Норрис весьма красноречиво показывает, что криминальное поведение – явление отнюдь не простое. Это исключительно сложная «заключительная стадия развития», в которой находят выход нарушения биологического, психологического и социального аспектов индивидуума. Я полностью согласен с доктором Норрисом, рассматривающим серийных убийц в контексте медицинских проблем.

Однако, в отличие от других областей здравоохранения, на исследование этой проблемы – проблемы причин и профилактики серийных убийств – не отпускается средств. К сожалению, в научной среде криминология считается малопрестижной. Многие специалисты, которые могли бы работать с преступниками, испытывают нерешительность. Одни говорят, что опасаются стать жертвами злой воли, иные, может быть, более откровенные, оправдывают свое нежелание тем, что их тесное общение с преступниками пугает близких. Как свидетельствует статистика, в психиатрических лечебных заведениях риск нападения на врача со стороны больных куда выше, нежели в местах заключения. Психиатры, как и я работающие в психиатрических пенитенциарных учреждениях, сталкиваются с интереснейшими примерами психопатологии. Мы наблюдаем у своих пациентов-заключенных сложное, но вполне доступное пониманию взаимодействие врожденного и приобретенного, природы и воспитания. Значительную часть наших пациентов составляют люди с личностными нарушениями, с настоящими пороками развития, с чертами характера, в которых можно проследить влияние наследственности и среды. У большинства из них просматривается связь совершенных преступлений с употреблением алкоголя или наркотиков, иногда наблюдаются органические поражения головного мозга. В последней группе многим из преступников никогда не ставился диагноз, хотя они и проходили медицинское обследование перед судом или во время отбывания наказания. В этой группе у значительной части убийц были выявлены нарушения неврологического типа, тесно связанные с совершенными ими преступлениями. Как показывает мой опыт, патология головного мозга у заключенных чаще всего не диагностируется, хотя ее роль в криминальном поведении важнее, чем мы привыкли считать. Внимательный подход доктора Норриса к этой области заслуживает всяческой поддержки.

Для меня чтение «Серийных убийц» стало настоящими «именинами сердца». В этом исследовании автор показал те черты характера серийного убийцы, которые обуславливают его трагическую уникальность, и поделился с нами своими важными наблюдениями и открытиями. Если выводы доктора Норриса помогут общественности осознать необходимость изучения и лечения криминального поведения, данная книга, сочетающая информативность с увлекательностью, приобретет поистине неоценимое значение.

Филипп С. Хикс, доктор медицины, главный психиатр тюрьмы штата Калифорния, Сан-Квентин, Калифорния

Введение

Являясь профессиональным психологом-консультантом, я неоднократно выступал в качестве эксперта со стороны защиты в ходе судебных разбирательств и помогал в составлении апелляций по ряду приговоров, вынесенных убийцам в штате Джорджия (некоторые осужденные были серийными убийцами). Я вел разъяснительную работу с заключенными и служащими охраны Федеральной тюрьмы в Атланте, являлся консультантом по профилактике насилия Университета штата Джорджия, обращался к членам исполнительной власти этого штата с предложениями по проведению реформы пенитенциарной системы для несовершеннолетних. Долгие годы я занимался экспертизой по уголовным делам. В исправительных учреждениях, в практической и научной психиатрии я много раз наблюдал взаимное непонимание, возникающее между наиболее жестокими преступниками и теми, кто в силу профессиональных обязанностей должен понимать и контролировать их. Я был поражен этим фактом. Как могли люди, отвечающие за самый жестокий контингент нашего общества, призванные держать его под контролем, совершенно не понимать тех, за кого несут ответственность? Найти ответ оказалось непросто. В конце концов, после нескольких лет напряженной работы я взял годовой отпуск, чтобы привести в порядок мысли, распределить свои силы и заняться исследованием интересующих меня проблем. Плодом этих исследований является настоящая книга.

Непонимание между теми, кто совершает акты жестокости и насилия, и теми, кто должен расследовать преступление, найти виновных и содержать их под стражей, проявляется по-разному. Во-первых, правоохранительная система не заботится о выяснении мотивов действий убийц. Не занимаясь профилактикой преступлений, она ограничивается лишь наказаниями. Расследования по делам серийных убийц, в которых мне пришлось участвовать, были направлены главным образом на то, чтобы утолить справедливый, хотя и не всегда точно направленный, гнев общественности. Значение имели стиль, личность, харизма, энергия, побудительные мотивы, финансовое и социальное положение сторон, участвующих в судебном процессе, ход разбирательства и настойчивое вмешательство средств массовой информации. Техническая сторона юридических вопросов, судебные прецеденты, нормы права, действующие в штате, наиболее выгодные для защиты и обвинения, заслоняли собой психиатрический аспект в мотивации преступников. Суды присяжных были недостаточно осведомлены о сложных механизмах, действующих в расстроенной психике серийных убийц. Попросту говоря, в зале заседаний не находилось места для всех улик и свидетельских показаний, и рассматривались лишь те из них, которые лежали на поверхности.

Во время работы в университете штата Джорджия, где я занимался подготовкой академических программ по изучению профилактики насилия и отдельных форм психических заболеваний, мне представилась возможность обсудить некоторые свои наблюдения с учеными и преподавателями, работающими в разных областях. Они должны были определять политику исследований, разрабатывать проекты профессиональной подготовки в университетах и государственных учреждениях. В их задачу входило выбирать группы населения в качестве объекта исследований и тщательнейшим образом изучать феномен насилия. Однако почти никто из них в действительности ни разу не посетил тюрьму и не поговорил с преступником с глазу на глаз. Мои душераздирающие рассказы производили на собеседников ошеломляющее впечатление, и они были готовы часами обсуждать случаи множественных и особо жестоких убийств, теоретизируя на тему о вероятных мотивах преступлений. К сожалению, их природная любознательность и почти интуитивное понимание контингента заключенных не выходили за пределы научной среды и не принимали форм общественной деятельности. Сформулировать на основе интуиции теорию осуждения убийц, представить преступника с нарушенным поведением элитарной академической группе, предложить использовать приговоренных к казни

убийц в качестве объектов для исследования при подготовке специалистов казалось им опасным. Ученые боялись, что подобный поступок обернется угрозой их будущему, пагубно отразится как на личной карьере, так и на программе исследований, над которой они работали или хотели бы работать. В результате те, кому в первую очередь следовало бы представлять профессиональную информацию в суде и освещать истинные причины серийных убийств или других эпизодических жестоких преступлений, слишком пеклись о своей репутации и не желали вникать в суть проблемы.

В то же время широкая общественность была охвачена возмущением по поводу усиления незащищенности человека перед насилием. Люди хотели надежной защиты своей неприкосновенности, жаждали торжества справедливости в залах суда. В то же время средства массовой информации делали из серийных убийц своего рода суперменов, и вопросы профилактики и наказуемости преступлений терялись среди призывов к возмездию и искуплению. Вполне понятно нежелание политиков и ученых разрабатывать исследовательские программы, которые воспринимались бы как «цацканье с убийцами».

Сталкиваясь с очередным серийным убийцей, я понимал: в обществе растет число нездоровых индивидуумов, хотя и не имеющих очевидных недугов. В массе пойманные преступники выглядели изнуренными, переутомленными, но спокойными, словно недавно пережили внутреннее потрясение. В одиночных камерах за решеткой убийцы казались вполне индифферентными – и перед судом, где решался вопрос об их жизни и смерти, и отбывая пожизненное заключение, и ожидая исполнения смертного приговора. Они, несомненно, были физически и психически ущербны, одни – в большей, другие – в меньшей степени. Почти все имели на теле шрамы, следы ушибов или множественных ранений в области головы или шеи. У них были ожоги, следы от постоянных аварий, драк, поножовщины и перестрелок. Многие в детском возрасте получили травмы в семье. Все убийцы говорили, что мечтают о свободе, но, по-видимому, чувствовали себя в заключении как дома. Не раз после особенно напряженного допроса приставленный к преступнику охранник по-отцовски обнимал его и, провожая в камеру, говорил: «Ладно, сынок, пошли домой».

Почти все убийцы, которых я встречал, были рецидивистами, а некоторые – серийными убийцами. Они говорили о том, насколько унижительна жизнь в тюрьме, но в то же время старались приспособиться к этой жизни, собираясь провести здесь остаток лет. Меня удивлял тот факт, что разумные люди снова и снова совершают поступки, обрекающие их на тюремное заключение. Может быть, делая выбор, они не имели свободы воли? Один такой убийца сказал мне: «Как только я выхожу из тюрьмы и вдыхаю воздух свободы, я становлюсь похож на попугая, выпущенного из клетки, срываюсь с тормозов и делаю то, за что вновь попадаю в клетку».

Некоторые из убийц страдали психопатиями, но лишь немногие признавались невменяемыми, подвергаясь тестированию, известному как правила Макнатена¹, которые используются для определения, в состоянии ли испытуемый различать добро и зло. Правила Макнатена пришли в Америку из Англии в начале XIX века. Они основаны на утверждении, что если человек способен различать добро и зло и предвидеть последствия своего поведения, он не является невменяемым. Эти правила – краеугольный камень официального определения вменяемости, и в нашей стране они служат основой всех гипотез и теорий, касающихся насилия. Меня беспокоит то, что в наиболее прогрессивном обществе XX века, когда наука и медицина совершили столько открытий, мы продолжаем полагаться на абсолютно некорректное определение человеческого поведения. Основывать официальное определение вменяемости на правилах Мак-

¹ Юридический прецедент обеспечения защиты психически больных, утвержденный в Британской палате лордов в 1843 г. Правило гласит: человек не должен быть признан ответственным за преступление, если он действовал, будучи неспособным к рассуждению в результате психической болезни, и не мог осознавать характера и качества своих действий или если осознавал, то не знал, что этого делать нельзя (*здесь и далее – прим. ред.*).

натена – все равно, что применять медицинские методы прошлого столетия в лечении рака или СПИДа.

Я также заметил, что средства массовой информации интересовались не столько жестокими преступниками вообще, сколько суперубийцами, такими как Джин Харрис, Чарльз Мэнсон или Тед Банди, либо историями убийств, где герою-преступнику удалось бежать, либо случаями, где детективу или жертве чудом удалось избежать смерти. Поскольку я жил в Джорджии, где хорошо помнили атлантские убийства детей, я занялся исследованием обстоятельств этого дела и личности осужденного убийцы Уэйна Уильямса. К моему удивлению, обнаружилось еще шесть случаев серийных убийств в Джорджии, имевших место в тот же четырехлетний период, что и трагедия в Атланте. Получалось, что синдром серийного убийства не является недугом одной Джорджии, а существует по всей стране. Первоначально я решил сосредоточить свое внимание на наиболее жестокой группе во всем спектре насилия, поразившего американское общество, – на серийных убийцах. В январе 1984 года ФБР объявило о том, что Америка охвачена эпидемией серийных убийств. Это совпало с моими наблюдениями, и я пришел к выводу, что серийное убийство и другие формы эпизодической агрессии – по сути, заболевание, которое следует диагностировать и локализовать, пока оно не захлестнуло наше общество. В августе 1984 года я опубликовал свою первую статью на эту тему в журнале «Лайф».

В последующие два года мне выпала возможность беседовать с глазу на глаз с несколькими обвиняемыми и осужденными серийными убийцами, познакомиться с их историями. Моя одиссея началась с родного города, и в конце концов я стал консультантом защиты по делу о Чулочном душителе города Колумбуса в штате Джорджия – осужденном убийце пожилых женщин, орудовавшем в районе, где прошло мое детство. Я видел Теда Банди и опрашивал Бобби Джо Лонга во флоридском отделении для смертников, разговаривал с Генри Люкасом в Джорджтауне, штат Техас. Я так часто молился, стоя на коленях, в камере Люкаса вместе с ним и его духовной покровительницей, сестрой Клементиной, что это стало для меня таким же привычным делом, как и выслушивание его первых признаний, насквозь проникнутых напыщенностью, и «перепевания» отредактированных рассказов о преступлениях – годом позднее.

В тюрьме Фарвью в Восточной Пенсильвании я интервьюировал Джозефа Каллингера и работал с его биографом Флорой Шрайбер, автором книг «Сибил» и «Сапожник». Мне довелось стать свидетелем того, как между Шрайбер и Каллингером образовалась уникальная связь, хотя они и происходили из разных кругов и вели совершенно разный образ жизни. Последним из убийц, с которым я беседовал, был Чарльз Мэнсон. Я также общался с родственниками жертв преступлений, включая Дорис Тейт, мать Шэрон Тейт, Роуз Элис и Чарльза Тейер, супругов Фентонов, чья дочь была изнасилована и убита Гэри Шефером в Спрингфилде, штат Вермонт. Переживая вместе с ними боль утраты, наблюдая тяжелейшие последствия полученной психологической и эмоциональной травмы, я сделал важный шаг к пониманию масштабов воздействия серийных убийц на наше общество. Позже, в Квантико, в Виргинии, мне встретились суперагенты Отдела ФБР по медицинскому исследованию поведения, которые поразили меня своей беззаветной преданностью делу и высочайшим мастерством составления профиля убийцы, модели, характерной для ряда преступлений, что позволяло им добиваться успеха в расследованиях. Но, к сожалению, они совершенно не понимали всей пользы моделей для специалистов других областей и не видели ценности своих изысканий в профилактике серийных убийств. И хотя истории таких преступлений различны, в них присутствовали практически идентичные эпизоды: родительская жестокость, насилие, унижение, неспособность к учебе, употребление алкоголя или наркотиков. Теперь, спустя четыре года, собрав более пяти-сот интервью, проведя много часов в библиотеках и у телефона, накопив обширные сведения о чертах характера и биографиях серийных убийц, я обнародую полученные мной результаты в книге «Серийные убийцы». Неподдельный интерес со стороны тех, с кем мне довелось стал-

киваться в ходе своего исследования, позволяет надеяться, что эта книга привлечет внимание к проблеме и будет способствовать продолжению ее изучения другими специалистами. Ученые-медики, сами серийные убийцы, семьи жертв, обвинение и защита предоставили мне столько информации, сколько невозможно включить в одну книгу.

То, что вам предстоит прочитать, приведет в ужас, опечалит, вызовет у вас отвращение, а иногда – и гнев. Это не биография убийцы и не просто документальное описание синдрома серийного насильника. Это исследование заболевания, которое развивается в нашем обществе, угрожая поразить всю сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников, уголовно-правовую систему и пенитенциарные учреждения для взрослых. Вы сами убедитесь: в книге, как в зеркале, отражается тонкая грань, отделяющая нас от скатывания к первобытному, инстинктивному, животному поведению, которое таится за стеной психологического самоконтроля и социальных норм. Если условия в обществе станут напряженнее и усугубится разрушение социальных норм, может пасть последняя преграда, отделяющая нас от катастрофы. Поэтому главный хирург США назвал бытовое и социальное насилие одним из важнейших факторов риска для будущего общества. Пока наше отношение к насилию, и особенно к серийному убийству, основывается на принципе «око за око», на личном возмездии, показатели численности таких преступлений будут резко увеличиваться от десятилетия к десятилетию.

Природа серийного убийцы

Серийный убийца среди нас

Вначале тревога охватила Виннтон, один из районов Колумбуса, штат Джорджия. Дело было осенью 1977 года. Стояла необычная для этой поры жара. Ферн Джексон, вдова шестидесяти лет, известная в городе представительница высокопоставленного семейства, преподавательница общественного здравоохранения в школах города (с давних пор она жила одна в самом изысканном предместье), была обнаружена мертвой в собственной спальне. На лице и голове убитой виднелись следы жестоких побоев. Женщина подверглась сексуальному насилию, после чего была задушена собственным нейлоновым чулком, который полиция нашла туго завязанным на шее жертвы. Убийца прикрыл полунагое окровавленное тело одеялом. Детективы и эксперты-криминалисты установили: преступник вошел в дом через заднюю стеклянную дверь, застал миссис Джексон врасплох в спальне и избивал до тех пор, пока она не перестала оказывать сопротивления, затем затянул на шее чулок, изнасиловал несчастную, после чего задушил. Потом убийца, взяв ключи миссис Джексон, уехал на ее машине, которую бросил в Хайтсе, негритянском районе города, отделяющем Виннтон от центра и реки Чаттахучи. Это было жестокое и отвратительное преступление. Сообщение о нем в обзоре новостей прозвучало тревожно, как летний гром. Это произошло 16 сентября.

В воскресенье, 24 сентября, Джин Дайменстайн, одинокая женщина семидесяти одного года, была найдена мертвой жестоко избитой, изнасилованной и задушенной чулком в своей спальне всего в четырех кварталах от дома Ферн Джексон. Преступник угнал ее автомобиль, доехал на нем до Карвер-Хайтса и бросил в ста ярдах от того места, где четырем днями раньше полиция нашла машину миссис Джексон.

В уютном ухоженном белокаменном пригороде даже одно убийство было весьма неприятным трагическим событием. Излишне говорить, что два убийства, совершенных с разрывом в пару дней, два преступления, в результате которых были задушены жившие уединенно престарелые дамы, всколыхнули весь Колумбус. Жителям города и прежде приходилось видеть в вечерних выпусках теленовостей репортажи о подобных зверствах, совершающихся в других местах. Они слышали о Ричарде Спеке, убивавшем девушек-сокурсниц, знали о непрекращающихся случаях гибели молодых женщин поблизости от Сиэтла, о волне убийств и изнасилований, ставших визитной карточкой таких городов, как Атланта, Лос-Анджелес и Нью-Йорк. А теперь подобные происшествия происходят в их тихом Колумбусе!

Под нажимом общественности полиция поспешила арестовать Джерома «Дака» Лайваса, умственно отсталого, весьма удобного подозреваемого, и вскоре объявила, что преступник сознался в злодеяниях. Только обитатели Виннтон чуть-чуть расслабились, как Флоренс Шибел, прикованную к инвалидной коляске, слепую, восьмидесяти девяти лет, нашли задушенной в своей спальне. Подобно другим жертвам, это была белая женщина. Престарелая дама тоже жила одна. Преступник проник в дом, избил ее, изнасиловал, задушил чулком, а перед уходом прикрыл тело.

Еще через четыре дня мертвой в своей спальне обнаружили шестидесятидевятилетнюю Марту Термонд, также изнасилованную и задушенную. По иронии судьбы, после смерти Шибел она установила у себя в доме новый, более надежный засов, но в роковой час он оказался не заперт, и убийца без труда вошел в дом. Однако на этот раз преступник не тронул машину. Теперь полиция и жители Колумбуса поняли – мотивом преступления было отнюдь не ограбление.

Поскольку преступления, объединенные общим почерком, продолжали совершаться и после ареста Лайваса, обвинять его в убийствах стало сложнее. Правда, городской прокурор отказался выпустить арестованного из-под стражи. Просидев в тюрьме еще две недели, в эксклюзивном интервью Карлу Кэннону, корреспонденту городской газеты Колумбуса «Леджер», Лайвас признался в убийстве президента Джона Кеннеди и Уильяма МакКинли. Эта история появилась в газете на следующий день, и красный от смущения Ронни Джонс, начальник отдела грабежей и убийств полиции Колумбуса, который несколько недель назад объявил о задержании подозреваемого, сообщил журналистам, что охота за подлинным убийцей продолжается.

В конце 1977 года жертвой преступления стала Кэтлин Вудрафф, семидесяти четырех лет, вдова Джорджа «Кида» Вудраффа из клана Вудраффов, совладельцев «Кока-колы». Дама была изнасилована и задушена шарфом в гостиной своего дома на престижной Буэна-Виста-роуд. Общество охватила тотальная паника – люди боялись маньяка, который по-прежнему гулял на свободе. Теперь все поняли: грабеж со взломом не служил главной целью преступлений, и на самом деле это были жестокие сексуальные нападения, где изнасилование и убийство стояли на первом месте. Кроме того, поскольку убийца частично изменил свой почерк, перестав угонять машины, выяснилось, что он следит за репортажами о своих злодеяниях и старается сбить со следа полицию. Белокаменные особняки с колоннами, построенные основателями Виннтонна еще перед Гражданской войной, солидные дома благополучного аристократического предместья, в которых проживали одинокие пожилые дамы, принадлежащие к среднему классу, превратились в непреступные крепости, оснащенные множеством засовов и хитроумных систем сигнализации. В дневное время по тенистым улицам рыскали специально натасканные собаки, вынюхивая след среди цветущих азалий, а по ночам район патрулировали полицейские машины, прорезавшие заросли зелени голубоватым светом прожекторов. Хрупкие старушки выходили из дома, аккуратно засунув пистолет в косметичку, а по воскресеньям и в церковь приезжали с оружием. Город парализовал ужас, любое новое лицо вызывало подозрения.

Постепенно местная полиция, прокуратура, а также газетные и телевизионные репортеры, освещавшие эти события, поняли: неуловимый призрак, выбирающий жертв на основании собственной логики, не является обыкновенным преступником, не вписывается в традиционные представления об убийце. Полиция Колумбуса, подразделение Бюро расследований штата Джорджия, ФБР и полиция штата начали составлять психологический и поведенческий профиль убийцы, используя данные об аналогичных моделях преступлений, совершавшихся в других городах. В это время в Сиэтле орудовал серийный убийца, студент колледжа Тед Банди, специализировавшийся на сокурсниках; в Чикаго преуспевающий бизнесмен Джон Гейси, строительный подрядчик с годовым доходом в двести тысяч долларов, на протяжении пяти лет убивал юношей, а затем хоронил в собственном подвале; в Калифорнии Эд Кемпер прикончил подряд восемь женщин; а по соседству, в Атланте, Уэйн Уильямс отбывал наказание за похищение, изнасилование и убийство более двадцати пяти мальчиков. Следователи пришли к выводу, что имеют дело с особенным убийцей.

Погибшие женщины из Виннтонна вписывались в более широкую модель – то были жертвы преступников, не имевших очевидных мотивов. Благодаря своим методам и повадкам насильники, казалось, были почти неуловимыми. По сути, преступления такого рода не принадлежат к числу традиционных убийств, с какими обычно сталкиваются полицейские и криминалисты, скорее, это форма заболевания. У некоторых серийных убийц имелись физические недостатки, обернувшиеся фатальными симптомами, и в итоге жертвам казалось, что они подвергались насилию по чистой случайности. Сегодня серийное убийство в Америке стремительно превращается в эпидемию, которую главный хирург США причислил в своем докладе к первоочередным проблемам оздоровления общества.

Панику, охватывающую людей, когда поблизости появляется убийца и жертвы вначале исчезают, а потом тела друг за другом обнаруживаются в неглубоких могилах, испытали многие города. Так, в Техасе и соседних штатах от рук серийного убийцы, предположительно Генри Ли Люкаса, погибло более трехсот человек. Достоверность и точность его первых признаний до сих пор остаются под вопросом – позднее Люкас от них отказался. Некоторые из рассказов настолько поражают своей чудовищной красочностью, что даже полиция отказывается им верить. По данным техасских рейнджеров и органов правопорядка Америки, Люкас убил несколько сот человек мужчин, женщин и детей, которых он не знал, если не считать нескольких часов. Он истязал и убивал свои жертвы, расчленял тела, а затем закапывал останки. Жителей Атланты охватил страх, когда вблизи реки Чаттахучи стали каждую неделю находить все новые тела детей, подвергшихся сексуальному нападению и закопанных на берегу. Полиция Сиятла в течение ряда лет безуспешно разыскивала убийцу молодых привлекательных женщин, которые, как казалось, не оказывали сопротивления преступнику. Лишь после ареста Теда Банди в другом городе убийства прекратились. Чтобы предстать перед судом, Банди потребовалось совершить насилия во Флориде и Юте, куда он бежал от преследования полиции. Даже после того, как Банди был вынесен приговор, истинное количество людей, погибших от его руки, осталось тайной. Многих родителей до сих пор мучит вопрос, не стали ли его жертвами их пропавшие дети, о которых давно нет известий.

Сейчас в числе главных серийных убийц, приковавших к себе внимание широкой публики, чьи преступления расследуются полицией и ФБР: Ричард Рамирес, известный как Ночной Сталкер, – взломщик, убивавший без разбору всех, кто заставал его за грабежом; находящийся на свободе неизвестный убийца из южного Лос-Анджелеса, за которым усиленно охотится полиция, – на его счету уже по меньшей мере двадцать убитых проституток; убийца с Грин-Ривер в Сиятле – он также прикончил более двух десятков проституток и зарыл их тела на берегу Грин-Ривер, реки, протекающей прямо за городом. Если прибавить сюда «Тилеоловых убийц» и множество «убийц-повторял», начинающих действовать, когда становится известно о появлении в округе серийного убийцы, этот список увеличивается почти до бесконечности.

Все вышеперечисленные преступники принадлежат к новой категории, сформировавшейся совсем недавно. Это так называемые «серийные» безмотивные убийцы, «убийцы для развлечения» или убийцы по влечению, численность которых в последние годы растет с устрашающей быстротой. По данным ФБР, только в 1983 году жертвами таких преступлений стали приблизительно пять тысяч американцев, что составляет двадцать пять процентов от общего количества жертв убийств; в среднем серийные насилия совершались по пятнадцать раз в день. Садисты не знали своих жертв и убивали исключительно ради «кайфа». ФБР называет деяния подобного рода серийными убийствами, а преступников – отдыхающими убийцами или убийцами по влечению. Согласно данным ФБР, это наиболее коварные и отвратительные среди самых жестоких людей. Серийных убийц почти невозможно вычислить, поймать. Их действия непредсказуемы и не укладываются в обычную схему расследования; они перемещаются из штата в штат под самым носом преследователей, растворяются среди людей, чтобы позднее снова возникнуть в другой части страны и продолжать совершать новые серии немотивированных убийств.

Эти чудовища страдают своего рода зависимостью: акт убийства служит им наркотиком. Их неудержимо влекут жертвы, которых преступники выбирают в сумерках среди покупателей магазинов, по ночам на темных городских улицах, среди бела дня на дорогах в сельской местности, в уединенных деревнях. Серийными убийцами движет сила, неведомая им самим. Положив глаз на очередную жертву, они начинают преследовать ее с упорством гончей, пока добыча не будет загнана в угол. В конце концов, ловушка захлопнется. Подобно раненым хищникам, серийные убийцы не удовлетворяются простыми убийствами. Они часто пытаются свои жертвы, наслаждаются видом агонии, гримасами ужаса, воплями отчаяния, реакцией на боль.

На смену эйфории убийства приходит период выраженной депрессии. Убийцы обращаются с мольбами о помощи к полиции или прессе, как это делал, например, в начале шестидесятых годов Ричард Хирринз, серийный убийца из Чикаго, – он оставлял на зеркале над головой своей жертвы надпись губной помадой. «Поймайте меня, пока я снова не убью!» Серийные убийцы всегда прячутся, в то же время оставаясь на виду. Некоторые просят, чтобы их поймали, обещают сдать и пройти курс лечения, но исчезают, чтобы, появившись вновь, совершить очередной акт насилия.

Откуда берутся серийные убийцы? Отчего возникает их чудовищная жестокость? Почему убийцу вроде Теда Банди так трудно поймать? Почему Генри Ли Люкасу удавалось ускользать от полиции более десяти лет, переезжать из штата в штат, оставляя за собой десятки тел, закопанных в землю? Почему Карлтон Гэри, Чулочный душитель из Колумбуса, признается, что присутствовал при всех виннтонских убийствах, но по сей день настаивает на том, что убивал кто-то другой, называя вымышленного убийцу одной из своих кличек? Может быть, эти убийцы – суперпреступники, способные обводить полицию вокруг пальца на каждом шагу? Или сама природа их преступлений настолько отлична от остальных известных типов убийств, что не поддается контролю местных сил правопорядка?

К несчастью для нас, серийное убийство принципиально отличается от других преступлений. Этот факт лишь недавно признали полиция, ФБР, суды, медики и все правительственные инстанции. В основе большинства нарушений закона лежат определенные, доступные пониманию мотивы. Драка двух мужчин внезапно превращается в убийство, как только один из них достает пистолет. В жестокой ссоре любовники начинают наносить друг другу удары, пока какой-то из них не окажется смертельным. Взломщик, орудующий в доме или магазине, застывает как вкопанный, когда включается свет и его застают врасплох, и вдруг стреляет в первого попавшегося ему на глаза. Или насилием завершается семейный скандал. Полиции бывает достаточно дня, а то и нескольких часов, чтобы раскрыть любой подобный случай. Мотивы – налицо. Жертвы определенно связаны с убийцей, а тот настолько переполнен раскаянием, так мучится сознанием своей вины, что задержать его не составляет труда. Кроме того, значительную часть убийств совершают «новички». Они почти не обладают навыками, необходимыми для того, чтобы скрыться. Единственное, на что они способны, – в панике убежать, предварительно засыпав место преступления ключами к его разгадке и уликами, оставив кучу свидетелей. Они думают, что если будут бежать достаточно быстро и долго, то в конце концов окажутся в безопасности. Однако в итоге бремя содеянного заставляет их остановиться и выдать себя. Если бы они были чуть опытнее или заранее планировали путь к отступлению и приготовили себе укрытие, возможно, им удалось бы отсидеться, пока о них забудут, и внимание сотрудников отдела убийств, у которых всегда уйма работы, переключилось бы на новые преступления.

Выследить вооруженных грабителей, совершающих убийство, тоже довольно просто. Те, кто переезжает из штата в штат, оставляют следы, и, если к делу подключится ФБР, скорый арест им гарантирован. В случае заказных убийств – гангстерских разборок, политических убийств – мотивы бывают вполне ясны, и полиции остается лишь найти исполнителя и закрыть дело.

Даже массовые убийцы не похожи на серийных. Первых почти всегда задерживает полиция. Приведу в пример Джеймса Хьюберти, убившего свыше двадцати пяти человек в лос-анджелесском «Макдональдсе»; Ричарда Спекса, на счету которой семь медсестер из Чикаго; Чарльза Уитмэна, двадцать лет назад расстрелявшего десять человек с башни здания Техасского университета; Хуана Гонсалеса, учинившего расправу на пароме в Стейтен-Айленд, расчищая себе путь среди людей, праздновавших День независимости. Они отличаются от серийных убийц тем, что имеют менее убедительный камуфляж нормальности. По утверждению ряда экспертов, по сравнению с серийными, массовые убийцы более склонны к проявлению явных патологических психоневрологических симптомов, которые легко диагностировать. Кстати,

сейчас в разных городах страны заведено несколько судебных дел, в которых истцы настаивают, что больницы, выписавшие будущих массовых убийц перед совершением ими тягчайших актов жестокости, должны нести ответственность за ущерб, нанесенный этими людьми.

Серийный убийца – совершенно иной преступник. Во-первых, он опытен и искушен в своих действиях, он способен скрываться под маской общественно приемлемого поведения. Не следует забывать, что наиболее закоренелые серийные убийцы занимались преступлениями по многу лет. Убийство было у них отрететировано и продумано до мелочей, мечты о нем, как сексуальная фантазия, многократно прокручивались в голове. На пути серийного убийцы попадались буквально тысячи потенциальных жертв, которые неведомо для себя становились актерами в его внутренней психологической драме.

Во-вторых, жертва может числиться в пропавших несколько лет до тех пор, пока не будет найдено тело. Полиция начинает расследование, лишь обнаружив труп. Количество пропавших без вести в одном районе может быть настолько велико, что полиции приходится выделять больше сил на защиту населения, чем на поиск ключей к раскрытию преступления. Случается, подозреваемого задерживают лишь при случайной встрече с полицией, например, когда патруль застает его на месте преступления. А когда находят жертву, ее связь с убийцей иногда оказывается настолько хрупкой и неуловимой, что остается незамеченной. Карлтон Гэри был осужден за убийство белых пожилых женщин, напоминавших ему тот тип, на который в свое время, когда он был ребенком, походила его мать. Тед Банди забивал только молодых, привлекательных и уверенных в себе девушек, похожих на отвергшую его невесту. Даже самые дальновидные полицейские не в силах найти такой ключ к разгадке. Это становится возможным лишь после задержания убийцы и составления его психологического профиля.

Большинство традиционных убийц бежит, чтобы их не поймали. Профессиональные киллеры, заказные убийцы умеют быстро смешиваться с толпой; они заранее планируют пути отхода. Те, кто сгоряча лишил жизни ближайшего родственника, жену или ребенка, больше боятся содеянного, чем полиции, и вскоре сами приходят с повинной. А серийные убийцы похожи на диких животных. Их зачаровывают последствия преступления. Они посещают могилы жертв, являются на похороны. Они растворяются в тени, маскируются под нормальных людей, сами наступают на пятки полиции, переживая заново акт своего насилия, следят за расследованием. Убийца с Грин-Ривер в Сиэтле позвонил по телефону жене сотрудника отдела убийств и попенял ей на несообразительность мужа, а Тед Банди часто специально сталкивался с офицерами полиции и интересовался у них ходом следствия. Как правило, до того, как стать серийными убийцами, эти люди находились под стражей или лечились в психиатрических лечебницах. Однако чудовищность признаний, которые они делали, была настолько невероятной, что их просто отпускали: полицейские предпочитали расследовать более тривиальные правонарушения.

Когда у серийного убийцы иссякает резерв потенциальных жертв – обычно к данному архетипу относятся маленькие дети, одинокие пожилые люди, молодые женщины, которые ходят по улицам без провожатых, проститутки, умственно отсталые, бродяги, геи, – он меняет место жительства и начинает охотиться в другом городе или штате, где население пока не охвачено страхом. Часто в этом новом районе полиция не интересуется сообщениями о пропавших в других местах или о идентифицируемых следах жертв преступлений. И вдруг она сталкивается с серией исчезновений или находит несколько тел, закопанных в безымянных могилах. Мало кто из сотрудников отделов убийств станет интересоваться информацией об убийствах, совершенных ранее в отдаленных штатах, а общегосударственная компьютерная сеть с базой данных о нераскрытых убийствах была создана лишь недавно. Если расследование поручают ФБР, даже оно вынуждено соблюдать территориальные рамки местного подразделения охраны правопорядка. Это позволило такому убийце, как Генри Ли Люкас, никак не связанному со своими жертвами, наносить удары в Техасе, Оклахоме, Нью-Мехико и Арканзасе, не опасаясь

быть схваченным объединившими свои усилия полицейскими из разных штатов. К моменту полного воссоздания картины преступления убийца обычно уже находится в бегах либо попадает за решетку, совершив следующее.

Серийный убийца, порой выходящий на дело дважды в месяц в течение нескольких десятков лет, имеет за плечами куда больший преступный опыт, чем просто убийца. С 1960 года не только выросло число отдельных серийных убийц, но возросло и число жертв, приходящихся на одного насильника. Кроме того, преступления стали случаться чаще: в стране орудуют приблизительно пятьсот неустановленных серийных убийц. Ущерб, который они наносят обществу, колоссален.

Мало того что эти статистические данные весьма удручающи, эпидемия серийных убийств неуклонно ширится. Серийный убийца – это болезнь американского общества. Инфекция передается от поколения к поколению в форме насилия над детьми, алкоголизма, наркомании, плохого питания. В последние двадцать лет на долю США, население которых составляет всего 5 % от общего числа людей, живущих на земле, приходилось 75 % серийных убийц. Из 160 серийных убийц, задержанных или вычисленных силами правопорядка, по меньшей мере 120 были обнаружены в США. Существуют реальные опасения, что по мере распространения американского культурного влияния на менее развитые страны недуг серийного убийства, если его не пресечь, поразит и их.

В разгар безумия серийный убийца способен нанести удар без предупреждения. Часто, поохотившись за своими наиболее уязвимыми жертвами в одном районе, он неожиданно снимается с места и движется дальше, предоставляя полиции возможность разыскивать без вести пропавших и отрабатывать весьма скудные улики. Поскольку убийство совершается не в порыве страсти, а является его повседневной потребностью, которая иногда развивается на протяжении многих лет, такие преступления составляют образ жизни преступника. Можно сказать, что он и живет ради совершения убийств, переходя от одного к следующему, нанизывая их на нить своего существования, протекающего от одной смерти до другой, от одной жертвы – к следующей. Убийца чувствует, что без этой нити преступлений он рассыплется подобно бусам, его психика распадется. Остальная часть жизни насильника подчинена единственной цели – созданию видимости нормальности и здравого рассудка.

Между преступлениями он затаивается, растворяясь среди обычных людей. Его повседневная жизнь протекает у всех на виду, но между тем он следит за полицией, усердно собирающей улики, из которых никак не складывается целостная картина. Серийный убийца ждет, когда на пути появится очередной подходящий незнакомец. Возможно, у новой жертвы окажется какая-то особенная улыбка или прическа, знакомые духи или одеколон, либо специфическая самоуверенная манера держаться, либо что-то еще в его облике, что толкает убийцу к фазе stalking (загнания). Каким бы ни был этот импульс, он заставляет преступника начать выслеживать добычу. Иногда он неделями следует за своей не ведающей о надвигающейся опасности жертвой: запоминает номер машины, ждет, когда она очутится на том перекрестке, где устроена засада, поглядывает в зеркало заднего вида, наблюдая, как человек каждый вечер возвращается с работы. Преступник ищет случая остаться с жертвой одни на один, чтобы представиться, завоевать доверие и раскинуть сети.

В отличие от обычного, серийный убийца находится во власти своей страсти, как наркоман, ставший рабом наркотиков. Он страдает недугом, который оказывается смертельным не только для его жертв, но и для него самого. В конце концов, жертвой становится он сам. Серийный убийца не может удержаться от новых преступлений так же, как закоренелый наркоман не в силах отказаться от героина. Совершив убийство, он в глубине души страдает от мучительной боли и звериного страха. В это время у него приходит в действие необычный защитный механизм. Однако вскоре снова появляется желание убивать. Преступник может испытывать отвращение к собственным деяниям и презирать себя за слабость, но не в силах остановиться.

В нем живет извращенная тяга к смерти, а нависшая угроза газовой камеры, электрического стула или инъекции яда лишь побуждает продолжать преступления, что он и делает, пока его, наконец, не поймают и не казнят. Поэтому после ареста многие серийные убийцы делают признания, умоляют о наказании. Оглядываясь назад, полицейские вспоминают, что данный человек уже попадал под стражу, порой несколько раз, и косвенно признавался в преступлениях, по которым уже велось расследование, предупреждал, что будет убивать снова. Но тогда служители закона не воспринимали его слова всерьез и отпускали на свободу. Многие серийные убийцы лишь частично понимают, что творят, а поскольку жертвы в их сознании сведены к уровню тотемных объектов, воспоминания о реально совершенных преступлениях приобретают очень схематичный, расплывчатый характер. Как правило, полицейские дознаватели оставляют скрытые мольбы о помощи без внимания, воспринимая признания как причуды психов, ищущих популярности, считают, что попавший к ним человек неспособен совершать убийства с таким размахом.

Подобно Джону Вейну Гейси и Теду Банди, серийные убийцы в основном похожи на нормальных людей: они ходят на работу или учатся, возвращаются домой, растворяясь в своей среде. Они даже могут быть женаты и участвовать в общественной жизни. Но в действительности это ходячие бомбы замедленного действия, готовые сдетонировать при определенном стечении обстоятельств. Так, для Бобби Джо Лонга из Флориды импульсом был облик «ночной бабочки», ожидающей, когда ее «снимет» один из завсегдатаев клуба для одиноких в Северной Тампе; для Эда Кемпера – звук голоса, напоминавшего голос матери, а для Джона Гейси – высокомерное поведение какого-нибудь юнца.

Человек, находящийся на грани превращения в серийного убийцу, подобен дремлющему вулкану. Никто не знает, что за внешней нормальностью скрывается психика, охваченная бурей, переживающая воспоминания долгих лет, проведенных в условиях эмоционального и физического насилия, страданий, причиняемых ближайшими родственниками. Такой человек может быть эпилептиком или иметь органическое повреждение головного мозга, которое ему удавалось скрывать большую часть жизни. Но в какой-то момент все элементы соединяются воедино, образуя активного серийного убийцу, они достигают критической точки, и при подходящей стимуляции – появлении какого-то зрительного образа, запаха, звука – индивидуум переходит в ловческую фазу (фазу троллинга) и отправляется на поиски.

Фазы состояния серийного убийцы

Патологическая привязанность серийного убийцы к своему преступлению является одновременно приверженностью к специфической модели насилия, которая превращается в его образ жизни. Каждый такой преступник возвел убийство в ритуал личного психологического выживания, в котором отслеживание жертвы, приготовление к захвату добычи и пыткам, момент смерти и сокрытие останков имеют своеобразный извращенный смысл. Соблюдение определенного ритуала – общий признак серийных убийц, выделяющий их из массы традиционных «коллег». Выполнение обрядовых актов, достижение пика своего могущества доставляют преступнику «кайф» – эмоциональный и сексуальный оргазм, переживаемый в момент совершения убийства.

С помощью экспертов, изучавших жестокость и насилие, мы выделили в ритуале серийного убийства семь ключевых фаз.

1. Фаза ауры

Начало изменений в поведении знаменуется некоей формой отхода от повседневной действительности. Во-первых, преступнику начинает казаться, что время замедлило свой бег. Звуки и цвета приобретают особую яркость. Запахи становятся более интенсивными, кожа делается необычайно чувствительной к легчайшему прикосновению. На смену реальности обыденного существования приходит навязчивая тяга к поиску партнера; вначале она реализуется в фантазии, когда воображаемый товарищ участвует в первобытном ритуале, изобретенном убийцей. Фаза ауры может длиться как всего пару секунд, так и несколько месяцев. Пока она не пройдет, преступник переживает галлюцинаторное состояние, оставаясь совершенно недоступным для каких-либо внешних воздействий, после чего приступает к поиску жертвы. Серийные убийцы, испытывающие галлюцинации такого рода, существуют только в созданном ими самими мире и реагируют на незримые стимулы, доступные только их восприятию.

В самом начале фазы ауры некоторые серийные убийцы еще способны выразить свои чувства и признаются, что теряют контакт с реальностью. На этой стадии их можно лечить, а надвигающийся цикл насилий замкнуть, или, выражаясь языком электриков, «закоротить». Однако подавляющее большинство серийных убийц не в состоянии передавать свои ощущения словами, и стоит им погрузиться в фазу ауры, как они уже не могут «вынырнуть на поверхность», пока не совершат преступления.

Началом фазы ауры иногда становится продолжительная фантазия. В этот период преступник совершает в своем воображении чудовищные акты насилия, испытывая приятное возбуждение. Он переходит от одной ступени к другой, все более возбуждаясь по мере того, как его видения достигают кульминации. В таком состоянии одна и та же фантазия зачастую прокручивается в голове убийцы снова и снова неделями, а то и годами. Это продолжается до тех пор, пока на пути преступника не встретится незнакомец, подходящий на роль актера в задуманном спектакле. Тогда включается эмоциональный выключатель, фантазия превращается в реальность, и наступает троллинг, или ловческая фаза. Если фаза ауры начинается с фантазии подобного рода, на убийцу можно повлиять извне. Он может описать, что происходит вокруг, выразив свои фантазии, и тем самым выдать собственное навязчивое состояние.

Фаза ауры, стоит в нее войти, становится дверью, разделяющей мир на два разных измерения. С одной стороны находится реальность, в которой живем мы, даже самые нервные из нас, на которую мы так или иначе реагируем и где проводим всю свою жизнь. В этом мире люди подчиняются закону и соблюдают определенные правила. Однако по другую сторону двери лежит иная реальность, реальность убийцы. Это мир навязчивости, мир, над которым довлеет проигрываемая им фантазия насилия; здесь нет места традиционным общественным нормам,

поскольку убийца превращается в примитивный биологический механизм, работа которого подчинена первобытному инстинкту, стремлению удовлетворить навязчивую страсть. Ритуал убийства оказывается связанным с автономным механизмом, словно сам преступник превратился в простейший одноклеточный организм, реагирующий на химический раздражитель.

Переживая фазу ауры, серийный убийца превращается в совершенно иное существо. Все человеческое, что в нем было, на время исчезает. Он переходит в «сумеречное» состояние, где законы, угроза смерти или возмездия, нравственность, идеалы, человеческая жизнь теряют значение. И хотя позже полиция, суд, общество могут признать, что индивидуум отдавал себе отчет в том, что делает, фактически он утратил способность действовать согласно здравому смыслу. Торможение и контроль у него отсутствуют. Он пытается забыться, злоупотребляя алкоголем или наркотиками, но это все равно, что подливать масла в огонь, – результат оказывается противоположным. Убийца лишь раздувает в себе жажду преступления и не вернется в мир живых, пока галлюцинация не исчезнет или ритуал не будет соблюден до конца.

2. Фаза троллинга (ловческая)

Войдя в фазу навязчивости, убийца начинает активно искать жертву. Прежние наблюдения, фантазии, извращенные потребности подталкивают его в те места, где велика вероятность роковой встречи с вожделенным незнакомцем. Преступнику остается лишь тащить сеть, как это делают рыболовы, – двигаться туда и обратно по месту предполагаемого похищения. Он выбирает парковки перед пригородными торговыми комплексами, темные городские улицы, где ночью попадаются одинокие прохожие, студенческие центры и общежития в больших университетских городках, игровые площадки начальных школ, учреждения для глухих или умственно отсталых детей и сельские дороги, по которым, как он раньше заметил, ребяташки возвращаются после уроков домой.

Троллинг не является случайным и не пускается на самотек. Неосознанная навязчивость побуждает убийцу прочесывать местность, где появление жертвы наиболее вероятно. Некоторые убийцы оказываются на территориях, где легче всего найти самую уязвимую жертву. Джон Гейси разыскивал определенный тип мальчика-подростка в полусвете, среди проституток мужского пола. Тед Банди охотился на красивых девушек-студенток, учившихся вместе с ним в университете Сизтла, где он был студентом юридического факультета. После побега в Юту, а затем во Флориду он быстро нашел новые жертвы в общежитиях колледжа в Таллахасси. Карлтон Гэри выбирал пожилых женщин. Представляя себя в фантазиях в образе современного Робина Гуда, раздающего добычу бедным, он наметил для своего плана район Колумбуса, Виннтон и, прогуливаясь по улицам, выслеживал подходящий дом, где обитала потенциальная состоятельная жертва. Перед тем как проникнуть внутрь, Гэри наблюдал за домом несколько дней.

Фаза троллинга – это совокупность навязчивых, лихорадочно-безумных моделей параноидального поведения, в ходе которой серийный убийца настораживается, активизируется, сосредоточивается на своей цели. На этой стадии он перестает действовать как нормальный человек, существующий в обычном мире, но тем не менее инстинктивно реагирует на повседневные раздражители. Миновав стадию ауры и перейдя в фазу троллинга, серийный убийца словно начинает совершать поступки на новом уровне программирования поведения, и теперь каждый его шаг оказывается запрограммированным. Например, Тед Банди, обуреваемый желанием испытать краткий миг интенсивных сексуальных отношений с незнакомкой, мог показаться очаровательным и щедрым, перед тем как убить ее. Наложив на руку фальшивую гипсовую повязку, он заманивал жертву в автомобиль, прося помочь уложить книги, пакеты или даже весло лодки. Те, кому удалось убежать, сообщали, что Банди, казалось, не терял самообладания до тех пор, пока не наносил первого удара. Генри Ли Люкасу также удавалось завязать разговор с незнакомцем, одновременно прикидывая, подойдет ли тот на роль жертвы.

Последняя стадия фазы троллинга включает идентификацию и stalking (загнание) жертвы. Найдя подходящий объект, убийца начинает строить модель stalking. Карлтон Гэри неделями наблюдал за домами своих жертв, выслеживая пожилых дам, – он прогуливался по улицам, навещал родственников, развозил лекарства, вступал в сексуальные отношения с молодыми женщинами. Преступник запоминал распорядок дня жертв, их привычки. Приступая к своему плану, он уже мог уверенно передвигаться по местности, знал, через какие двери войти без особых хлопот и как быстро покинуть дом, оставив на кровати избитую и задушенную жертву. Он был прекрасно осведомлен, кто из виннотонских женщин живет в одиночестве, и нападал только на вдов или незамужних дам, напоминавших о матери, которую Гэри почти никогда не видел, и о богатых белых домовладелицах, у которых работали служанками его тетя и бабушка. При этом насильник надеялся, что отсутствие одиноких старушек останется незамеченным, а тела их найдут лишь спустя несколько часов или даже дней.

Генри Ли Люкас занимался поиском жертв вместе со своим компаньоном Оттисом Тулом. Сообщники прочесывали уединенные дороги, пересекающие Техас вдоль и поперек. Люкас находил жертвы в придорожных барах, на бензоколонках и на шоссе, среди туристов, путешествующих автостопом. Стоило ему заметить одинокую женщину, он начинал «загонять» ее, пока она не оказывалась в изоляции.

Тогда под дулом пистолета он похищал несчастную, привозил в укромное место, где унижал, пытал, отсекал конечности, уродовал и, наконец, убивал. По словам преступника, он отпустил немало потенциальных жертв, не причинив им вреда. Однако если женщина не сдавалась, оказывала сопротивление, оскорбляла его, или если ее внешность, голос, движения напоминали ему мать, он чувствовал, как по телу пробегал холодок, и она уже была «все равно что мертвая». Люкас утверждал, что десятки убитых остались найденными, и никто никогда их не обнаружит, если он не покажет полиции, где закопал тела.

Другой осужденный серийный убийца выискивал свои жертвы на сельских дорогах в богатых пригородах в штате Нью-Джерси. Заметив хороших бойких школьников, возвращающихся домой, Бигенволд принимался изо дня в день следить за ними, пока не узнавал, кто из них, вероятнее всего, останется в одиночестве, проходя последний пустынный отрезок пути. Затем ослеплял жертву светом фар и наносил удар. После этого он затаскивал девушку к себе в машину, быстро и жестоко насиловал, смакуя ее смерть и свой триумф. Убийца хоронил тело поблизости от места преступления или отвозил труп на грузовике к дому своей матери в Стейтен-Айленд и закапывал на заднем дворе.

Полицейские из отделов убийств говорили, что, когда серийный насильник обосновался в их районе и его ритуал стал относительно понятен, детективов больше всего волновала фаза stalking. Пока убийца выслеживает и загоняет жертву за жертвой, полиции приходится сидеть не у дел, пытаясь сложить воедино немногочисленные улики. Проблема усложняется сенсационным характером репортажей о каждой очередной трагедии, транслирующихся по телевидению. Эти передачи иногда вдохновляют серийного убийцу, побуждая следить за ходом расследования, как это делали Карлтон Гэри и Тед Банди. Сообщения средств массовой информации подсказывают убийце, что ему надо изменить модель преступления, дабы сбить полицию и прессу со следа. Тем временем убийства продолжаются, снова и снова обнаруживаются тела жертв, и в итоге начинает казаться, что полиция действует совершенно неэффективно и следствие зашло в тупик.

К примеру, в ходе расследования убийств детей в штате Атланта официальная критика в адрес служителей закона достигла такого накала, что для помощи полиции пришлось собрать особый отряд «супердетективов», в который вошли лучшие представители сил правопорядка крупнейших городов США. Но и тогда происходили разбирательства между отделениями полиции города, округа и отделами шерифа по поводу юрисдикции. Возникали конфликты у местных офицеров и сотрудников федеральных органов, а охота на убийцу растянулась на

месяцы, пока агент Бюро расследований штата Джорджия наконец не заметил Уэйна Уильямса на мосту через реку Чаттахучи.

Боб Кеппел, детектив из отдела убийств Сиэтла, расследовавший убийства, совершаемые Тедом Банди до отъезда в Юту, вспоминал, что полицейских больше всего беспокоила мысль, что убийца находится на свободе и, возможно, в эти минуты охотится за новой жертвой. Полиция постоянно отставала от него на два гигантских шага: во-первых, когда занималась поиском без вести пропавшего, во-вторых, когда проводила идентификацию изуродованного и частично разложившегося тела. Она всегда шла по следу, успевшему остыть задолго до того, как удавалось его обнаружить. Опыт отслеживания Банди убедил Кеппела, что полицейские неспособны к эффективным действиям при столкновении с серийным убийством. Следователям необходимо предвосхищать события. Им надо просчитывать следующие шаги убийцы, исходя из профиля поведения, составленного на основе предшествующих преступлений. Следует учитывать два важных фактора: тип жертвы и состояние тела после смерти. Когда полиция понимает, на кого вероятнее всего будет охотиться преступник, она может сосредоточить свои силы в определенном районе. Кеппел участвовал в создании Отдела по медицинскому исследованию поведения убийц в ФБР. Этот отдел занимается составлением профилей поведения потенциального серийного убийцы на основании собранной информации и помогает полиции проводить допросы подозреваемых.

3. Фаза заманивания

Большинство серийных убийц обезоруживает своих жертв, внушив им доверие и заманив в ловушку. Рут Швоб, единственная выжившая жертва Чулочного душителя из Колумбуса, помнит эротическое удовольствие, испытанное, когда Гэри насиловал ее и душил: в это время женщина находилась между жизнью и смертью. Джон Гейси, чикагский бизнесмен-строитель, убивший и похоронивший десятки юношей у себя в подвале, завоевывал их доверие обещанием работы, оплаты наличными сексуальных услуг и даже проявлением отеческой заботы и понимания. Стоило им согласиться поехать вместе с ним в дом, где у него был офис, или на строительную площадку, они оказывались в его власти. Если оказывалось, что для успеха юноше было достаточно дать деньги, Гейси платил, занимался с ним сексом и отпускал на свободу. Но если парень бросал вызов или пытался обмануть, Гейси наносил жертве удар по голове, связывал, насиловал, пытал, а затем убивал. Серийные убийцы вроде Оттиса Тула, которые охотятся на маленьких детей, обычно привлекают их, уводя в уединенные места из торговых центров, с их собственных дворов, со школьных игровых площадок. Как правило, дети не боятся посторонних, предлагающих конфетку или обещающих отвести к родителям, и охотно идут за добрым дядей. Тед Банди, студент-заочник юридического факультета Университета Сиэтла, имел приятные мальчишеские манеры, он очаровывал девушек; им казалось, что они помогают дружелюбному незнакомцу со сломанной рукой. Банди умел втереться в доверие к будущей жертве путем «перевертывания» традиционной модели ухаживания. Жертве предоставлялось право быть сильной, здоровой, даже покровительствовать симпатичному молодому человеку, подходившему к девушке на автостоянке или на пляже. Убийца казался болезненным, сердитым на себя, смущенным необходимостью просить об услуге. Как ни странно, в основном серийные убийцы вовсе не отвратительны и отнюдь не неприятны. Они не запугивают свою жертву, принуждая подчиниться, а по-настоящему соблазняют, чтобы потом погрузить ее в ад.

Когда, наконец, сотрудники отдела убийств выстраивают модель серийного убийцы, они замечают, что жертвы, по-видимому, очень редко сопротивляются. Так, полицейский из Сиэтла Боб Кеппел, основываясь на собранных уликах и показаниях студенток, которым удалось ускользнуть от Теда Банди, понял, что девицы сами отдавали себя в его власть, не сознавая нависшей над ними угрозы. Серийный убийца часто проявляет тонкую проницательность в

отношении жертвы и способен договориться с ней без особого труда. В результате жертвы либо попадают под обаяние преступника, либо верят в его историю, либо не прислушиваются к собственной интуиции. Шансы избежать смерти есть только у тех, кто сразу же оказывает сопротивление.

4. Фаза захвата

Обычно она происходит внезапно: захлопывается дверь, убийца врывается в дом через окно или наносит быстрый умелый удар, в результате которого беспомощная жертва в полубоморочном состоянии оказывается поверженной к его ногам. Эта фаза может развиваться постепенно: например, преступник поведет со своей жертвой диалог, полный злобных намеков на предстоящую жестокость. Ожидая, пока останется с ней один на один, он начинает восхождение к психологическому наслаждению. Фазы троллинга и stalking подстегивают в нем предвкушение сладостных мгновений, а захват, когда жертва поймана в ловушку, является предпоследним действием трагедии. Убийца смакует этот момент, убежденный, что жертве перекрыты все пути к отступлению и можно сколько угодно готовить ее к вожделенному ритуалу.

У разных серийных убийц захват осуществляется по-разному. Карлтон Гэри, едва проникнув в дом, сразу же наносил жертве удар, от которой та теряла способность к сопротивлению. Он угрожал ей, насиловал, а затем душил женщину ее собственным нейлоновым чулком, тесьмой от занавески или шелковым шарфом и, наконец, прикрывал обнаженное тело. Тед Банди продолжал очаровывать свою жертву, пока не завозил в «надежное место», выбирая совершенно уединенный участок. Потом до смерти забивал жертву палкой и начинал орудовать с телом. Генри Ли Люкас, захватив жертву, заводил с ней разговор. Он во всех подробностях живописал предстоящий ритуал и упивался вызываемым у жертвы ужасом, который та испытывала еще до начала физического насилия.

5. Фаза убийства

До конца своих дней Рут Швоб, единственная уцелевшая жертва Чулочного душителя из Колумбуса, была убеждена, что ее убийца, скрывавший лицо под маской, вовсе не Карлтон Гэри, а кто-то другой. Даже когда полиция предоставила ей улики, указывающие на личность преступника, Рут Швоб не опознала его, а продолжала обвинять Лайла Джинджела. Вот как удачно удавалось маскироваться истинному виновнику даже тогда, когда в силу обстоятельств ему пришлось себя выдать. Рассказ Рут Швоб о том, как преступник застал ее врасплох в спальне, как деловито совершил сексуальное нападение, – одно из немногих признаний, сделанных теми, кто знает не понаслышке, что испытывает жертва серийного убийцы.

Для Рут Швоб насильник, скрывающий лицо под маской, какие используют горнолыжники, оставался невидимым, безликим мужчиной, который насиловал и истязал свои жертвы, словно желая отомстить им за грехи, совершенные в повседневной жизни. Эти пожилые женщины, матроны из Колумбуса, смотрели сквозь лица черных юношей, словно те были невидимками. Они не считали их за людей, и Карлтон Гэри в своих фантазиях был убежден, что мстит за это. Отбиваясь от мужчины, затягивавшего чулок у нее на шее, нажимая кнопку полицейской сигнализации, миссис Швоб сознавала, что должна стать очередной жертвой человека, окрещенного газетчиками Чулочным убийцей из Колумбуса.

Не ведая того, Рут Швоб исполняла роль в приватном фильме, демонстрируемом в фантазии Карлтона Гэри, в кинотеатре его внутреннего ада. Она была для Гэри дамой, которой его чернокожая родня была вынуждена служить, зарабатывая на пропитание. И теперь он обрушил на домовладелицу справедливое возмездие. Однако Рут Швоб так и не поняла, к какой расе принадлежал ее убийца.

Карлтон Гэри и рассчитывал на то, что жертва не сможет его опознать. Он желал остаться невидимым, потому что именно невидимость и составляла для него глубинный смысл патологического пристрастия к убийствам. Шесть адвокатов Гэри поспешили подчеркнуть, что жестокие сексуальные нападения на шесть пожилых белых женщин в старейшем и самом изысканном районе Колумбуса указывают на то, что подобная модель убийства выходит далеко за рамки обычного преступления. Это ритуал, в котором Карлтон Гэри снова и снова воспроизводит одно и то же событие. Убийства в его сознании играют второстепенную роль, а разыгрывание самого спектакля – главную. Гэри даже не может признать, что помнит действительно совершенные им убийства, но настаивает, что лишь смотрел, как убивал кто-то другой. Защита, поднявшая на суде вопрос психосоциальной истории обвиняемого как довод в пользу его неспособности выдержать разбирательство, стремилась показать, что в своем представлении Карлтон Гэри никогда не находился на месте преступления. Адвокаты утверждали: подобно тому, как в детские годы Карлтон, оставаясь невидимым, следил за работой бабушки и тети в домах тех самых или таких же женщин, которых он убивал, повзрослев, тем же невидимкой он вламывался в их жилища и насиловал несчастных.

Для этих матрон из Виннтон Карлтон Гэри не существовал, как большинство чернокожих в 1950-е годы. Посматривая на мир сквозь узкие окна своего бытия, в котором его преследовали физическая жестокость и наплевательское отношение отца, плохое питание и отрицательная самооценка, навязываемая со всех сторон, мальчик наблюдал, как его чернокожие родственницы тянулись поутру вверх по склону холма в Виннтон, на работу к женщинам того типа, которых он впоследствии будет убивать. Власть виннтонских матрон в обществе считалась непререкаемой, в понимании Карлтона Гэри они сами скомпрометировали свой пантеон, когда принимали экономические и социальные решения, чреватые для Гэри и его семьи полной безысходностью. Но особенно этот одаренный черный паренек, перенесший столько страданий, переживал из-за того, что виннтонские матроны совершенно его не замечают. Нет, их нельзя было обвинить в отсутствии доброты, милосердия или набожности. Все эти качества и многие другие христианские добродетели у них имелись. Они являлись эталоном дамы южного штата и антиподом матери Карлтона Гэри.

Они просто смотрели сквозь Гэри и других чернокожих юношей, словно те вообще не рождались на белый свет. Итак, когда спустя двадцать лет Карлтон Гэри появился в Виннтоне сформировавшимся серийным убийцей, он принялся наносить удары из-за щита, из-под маски, делавшей его невидимым. Тем самым Гэри демонстрировал свое превосходство над женщинами, которые властвовали над его детством, но не замечали мальчика, и теперь он душил их.

Пример Карлтона Гэри иллюстрирует основополагающее сходство, объединяющее серийных убийц: фаза убийства является ритуализованным воспроизведением перенесенных в детстве драматических переживаний. Только на этот раз преступник старается сыграть другую роль в спектакле, который разыгрывался в давние годы. Таким образом, он почти по волшебству может избавиться от прошлых страданий и утвердиться во власти, переменив свой облик. Карлтон Гэри способен нанести удар, оставаясь невидимым, и теперь он берет инициативу на себя, осуществляет возмездие, карая все, что, по его мнению, является злом.

Аналогично Джон Вейн Гейси, в детстве болезненный и женственный ребенок, терпевший садистскую жестокость отца-алкоголика, повзрослев, бил по гениталиям мальчиков, заманив их в подвал. Он медленно душил жертвы, декламируя двадцать третий псалом, призывая быть смелыми перед лицом пыток и смерти. Гейси не стремился именно убивать, ему просто нравилось обставлять особыми действиями процесс умирания. Посредством этого ритуала он стремился утвердиться в сознании своего мужского естества, попираемого отцом.

Джозеф Каллингер, совершая почти такой же ритуал, велел соучастнику в убийстве – родному сыну, шестнадцатилетнему Майклу, – отрезать пенисы двум мальчикам, пока те еще были живы. Из признаний, впоследствии сделанных Джозефом, следует, что в свое время мать

заставляла его держать руку ладонью вниз над пламенем, пока кожа не начинала чернеть. Если Джозеф пытался плакать, он подвергался жестокому избиению. Мать говорила – испытания сделают его сильным. Мужчины не должны плакать, они обязаны терпеть самую острую боль, молча переносить страдания, как подобает сильным. Эта извращенная идеализация молчаливого героя двигала Каллингером на протяжении всей его карьеры серийного убийцы. Чем больше кричали до смерти перепуганные жертвы, среди которых оказался и его сын, чем отчаяннее они просили пощады, тем большее наслаждение испытывал Каллингер. Мучительная, медленная смерть жертвы несла с собой спад напряжения. В тот момент, когда последняя из них, его тринадцатилетний сын Джон, испуская последний вздох, попросил: «Папа, пожалуйста, помоги мне!» – Каллингер испытал оргазм, и его галлюцинация прекратилась.

Истории серийных убийц превосходят по жестокости фильмы, где кровь льется рекой, показываемые в кинотеатрах на открытом воздухе. Генри Ли Люкас и Отгис Тул жгли своих сопротивляющихся жертв сигаретами и раскаленным добела металлом. Люкас признается, что жег и резал у женщин самые интимные места, отпиливал им пальцы на руках и ногах и заставлял смотреть на пилу. Для Люкаса акт расчленения тела заживо являлся кульминацией драмы. В детстве он был вынужден смотреть, как мать занимается сексом с посторонними мужчинами, которые глумились над ним, натешившись с матерью. Поэтому, превратившись в серийного убийцу, Люкас обратил свою жестокость на женщин, напоминая ему мать. Отгис Тул, гомосексуалист, в детстве терпевший насилие со стороны отца, воспитанный как «дитя дьявола» бабушкой-сатанисткой, перенес жестокость на детей и геев. История преступника, признавшегося в убийстве Эдама Уолша, легла в основу документального фильма, показанного национальным телевидением. И зрители содрогнулись: Тул совершал сексуальное насилие над беспомощными жертвами, убивал их, расчленял тела и иногда съедал внутренние органы.

В момент убийства большинство преступников испытывает эмоциональный подъем. Когда жертва умирает, серийные убийцы, по их собственному признанию, переживают впечатления, подобные ослепляющему эмоциональному взрыву, являющему высшие откровения, истину во всем своем ошеломляющем блеске. Некоторые сообщают, что в этот миг их личная боль доходила до кульминации, они испытывали спонтанный оргазм, сексуальное облегчение, своего рода величайший триумф – мощное подтверждение их существования, миг, во время которого можно было без малейшего страха заглянуть в лицо демонам своего прошлого.

6. Фаза тотема

Как и в любой другой момент интенсивнейшего эмоционального переживания, когда открывается истина, видение стремительно меркнет. Фантазия убийцы была такой всепоглощающей, что преступление совершенно опустошает его, и он начинает неизбежно впадать в депрессию. Иногда серийные убийцы пытаются удержать остроту переживания, вызванного убийством, продлить ощущение власти и триумфа над своим прошлым, для чего стараются сохранить тело жертвы, совершая ритуальное уродование трупа. Они могут отрезать и забрать гениталии, отпилить конечности или отрубить голову. Случалось, серийные убийцы съедали какие-либо органы жертв, носили с собой части их тела, хранили их в банках либо закапывали трупы в своих «святилищах» где-нибудь в уединенном месте и подчас показывали своим следующим жертвам. В тотемной фазе жертва превращается в символ эмоционального триумфа. Из символического существа она трансформируется в символический трофей, который, как рассчитывает убийца, будет подпитывать у него ощущение собственной власти и славы, пережитое в кульминационный момент.

7. Фаза депрессии

Тед Банди признался, что так и не получил от убийств того, на что рассчитывал. На самом деле его охватывали безнадежность и бессилие, словно он понимал: ему никогда не достичь

того настоящего эмоционального облегчения, к которому он столь отчаянно стремился. Каллингс сообщал, что впадал в такую же депрессию; о том же говорили Генри Ли Люкас и другие. Причина этого явления кроется в эмоциональной предпосылке самого убийства: преступник лишь разыгрывает фантазию, имеющую значение ритуала. Данное действие настолько же далеко от возможности кого-либо излечить, насколько ритуальная роль жертвы далека от ее реальной личности. Трагедия состоит в том, что какой-то беспомощный человек оказывается принесенным в жертву прошлому своего мучителя и убийцы. Но когда жертва принесена, ее личность теряется в фантазии насильника. Теперь она уже не олицетворяет того, чем была до совершения преступления. Образ невесты, отвергшей убийцу, голос, в котором эхом отзываются злобные интонации ненавистной матери или пьяная ругань отца, – все эти призраки остаются жить в душе серийного убийцы и после совершения злодеяния. Убийство не стерло прошлое из памяти, не изменило его, потому что убийца ненавидит себя едва ли не больше, чем прежде, до того, как пережил высший накал чувств. Даже в момент убийства он может сознавать, что всего-навсего разыгрывает собственное прошлое. Итак, снова фиаско. Ему опять не удалось достичь реальной власти, он остается с чувством опустошенности, одинокий и всеми проклятый, каким и был всю свою жизнь. Вместо того чтобы переменить роль, сыгранную в детстве, убийца лишь утверждает в ней. Истязания и гибель невинной жертвы заново повторяют самую сокроенную трагедию этого человека. Он становится жертвой и испытывает чувство неудовлетворенности, сознание неспособности реализовать свой потенциал. В период подобной депрессии даже газетные заголовки, сообщающие об обнаружении очередной жертвы, не помогают ему вернуть себе то могущество, которого он как будто на мгновение достиг.

Долгие дни или недели после убийства преступник пребывает в мрачном мире тоски, терзается печалью. Он занимается повседневными делами и со стороны кажется вполне нормальным. Со временем бремя совершенных преступлений становится настолько невыносимым, что он способен написать исповедь и отослать ее в полицию или позвонить в местную газету и попросить там помощи. Он даже может осознать свой недуг. Но вскоре фантазии вновь начинают рождаться в его голове, неконтролируемые потребности захватывают убийцу целиком, и, движимый жадой насилия, он снова заводит автомобиль и срывается в ночи, чтобы прочесать территорию, где, не ведая своей судьбы, гуляют его будущие жертвы. И вот еще один не чувствующий опасности незнакомец оказывается у него на пути, ступает в туннель смерти, и опять разворачивается ритуал убийства, ведущий к неотвратимому концу.

Болезнь серийного убийства

Чтобы понять грандиозность проблемы, представляемой серийным убийством для общественных институтов, надо помножить преступления, совершенные Карлтоном Гэри в Колумбусе, Тедом Банди в Сиэтле, штате Юта и Таллахасси, Ричардом Рамиресом – Ночным сталкером – в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско на пятьсот. Прибавьте к этому более трехсот убийств, в которых сознался Генри Ли Люкас, криминальные эпизоды Джона Гейси и Эда Кемпера, сексуальные насилия над детьми, происходящие в крупных городах по всей стране, – и масштабы проблемы окажутся беспредельными. Однако этим дело не ограничивается: с 1959 года проблема растет. В настоящее время, по оценкам ФБР, на воле находится не менее тридцати пяти серийных убийц, совершивших преступления, расследуемые полицией. Более того, местная полиция и по сей день пытается раскрыть продолжающуюся серию убийств в Грин-Ривер, Сиэтле, цепь смертей проституток в Лос-Анджелесе, гибель старых негритянок в Атланте, убийства рыжеволосых женщин во Флориде и серию убийств бродяг в Сан-Франциско и других городах, на трупах которых вытравлен знак – пятиугольник.

Лишь в последние годы к специалистам стало постепенно приходить понимание, как формируется наблюдаемое из поколения в поколение злонамерение отдельных индивидуумов. После того как те же специалисты осознают неотвратимость появления эпизодических убийц в результате насилия над детьми, постоянного негативного отношения родителей, травм головного мозга, наследственных расстройств психики, хронического недоедания, алкоголизма и наркомании, отравлений токсическими веществами, содержащимися в окружающей среде, прояснится истинная природа этой медицинской и социальной эпидемии. В наши дни медики знают, что циклы насилия во всех его формах, заложенные в предыдущем поколении, питают последующие. Родители, которые совершают насилие над детьми, как физическое, так и психологическое, вселяют в них почти инстинктивную склонность полагаться на жестокость как на главное средство решения любой задачи. По мере того как каждое поколение учит следующее откликаться подобным образом на жизненные проблемы, эти уроки закрепляются. Подтвержденные средствами массовой информации, модели жестокого поведения распространяются, захватывая все большее число жертв.

До самого недавнего времени, исследуя случаи преступного насилия и жестокости, криминологи и врачи не усматривали заболевания в совокупности таких факторов, как злоупотребление алкоголем или наркотиками, эпилепсия, сопровождаемая приступами невменяемости, возможно, кратковременной, случаи, когда индивидуум в детском возрасте подвергся сексуальному насилию или жестокому обращению, а также наличие извращенных тенденций к саморазрушению. Людей, у которых проявляется данный синдром, традиционно относят к категориям социопатов или психопатов, предоставляя заботу о них уголовному правосудию. В правоохранительной системе к ним относятся так, словно они способны контролировать свое поведение, подобно нормальным людям, однако по собственной воле выбирают криминальную стезю.

Но дело обстоит иначе. Серийный убийца – это человек, лишенный личности. Он становится личностью лишь в момент совершения преступления. А поскольку система уголовного правосудия сосредоточена на наказании, а не на изучении случаев насилия и профилактике их распространения, больные, имеющие данный синдром, проскальзывают сквозь нее, не получив лечения. В результате эта инфекция разрослась в обществе, словно чума. Появляющиеся серийные убийцы являются ее носителями, распространяющими синдром и передающими его следующему поколению. Их жертвами ежегодно становятся шесть тысяч американцев.

Наши оценки серийных убийц показывают, что каждый из них обладает набором симптомов, характеризующих конкретный тип заболевания, которое формирует модель асоциаль-

ного поведения. По утверждению ряда специалистов, болезнь можно предотвратить в девяноста процентах случаев. Во время эпизодических вспышек жестокости убийцы теряют контроль над собой. У них пропадает способность различать добро и зло и значительно снижается способность здраво судить о своих поступках. Они становятся безвольными, оказываются во власти приступа безумия, не соответствующего каким-либо официальным определениям, и не подлежат оценке традиционными криминалистическими или психоаналитическими методами. Их состояние находится за пределами сумасшествия. Однако когда их помещают под стражу, будь то психиатрическая больница для преступников, обычная психиатрическая клиника или любое другое учреждение, где есть систематические правила, регулирующие ежедневные занятия контингента, их поведение значительно улучшается. Не имея внутреннего стержня, убийцы ассимилируют систему правил учреждения, оказываясь в этой контролируемой атмосфере. Регулярное питание, частые консультации у врачей делают их активными или, напротив, спокойно-безмятежными. Преступники вступают в тесный контакт с начальством, тюремными священниками, адвокатами, биографами и перекраивают собственные признания так, чтобы те устраивали следователей и соответствовали требованиям момента. Правда, к этому времени они теряют ощущение прошлого и путаются, вспоминая события своей жизни. Им кажется, что они никогда никого не убивали, словно часть их сегодняшнего сознания была выключена, и ведут себя как содержащиеся в медицинском учреждении больные, подчиняясь правилам внутреннего распорядка. Почти все серийные убийцы явно не раскаиваются, словно моральную ответственность за совершенные ими преступления должен нести кто-то другой. А если к ним приходит раскаяние, они больше печалются о трагедии собственной жизни, нежели о гибели жертв.

Преобладание этих повторяющихся моделей во всех историях болезни серийных убийц, которые нам довелось изучить, значительные совпадения в образе действий, примитивная жестокость поведения, аналогичные нарушения функций головного мозга, наблюдаемая неспособность к учебе, сходство данных биохимических анализов и, наконец, примечательная последовательность реакций на помещение в учреждение закрытого типа позволяют квалифицировать серийное убийство как форму заболевания. Разумеется, эта болезнь не вписывается в традиционные медицинские рамки, но до появления работ Фрейда и Юнга в них не вписывались также психозы и неврозы. Серийное убийство – болезнь, которая до сих пор не нашла своего места в медицинской классификации, потому что не укладывается в большинство диагностических схем. Поскольку многие случаи незначительных повреждений мозга, связанных с эпилепсией, можно убедительно доказать лишь при вскрытии тела, поставить диагноз не представлялось возможным. Кроме того, хотя сами убийцы, казалось, полностью понимали выдвинутые против них обвинения и даже признавали свою вину, нельзя было говорить о невинности, на которую обычно ссылается защита. В условиях лечебного учреждения они могли контролировать эпизоды галлюцинаторного поведения – часто такое учреждение становилось для убийц первым жильем с нормальными условиями – и уже не проигрывали в фантазиях свои видения, как раньше. Что очень важно, многие из них мечтают о смерти и часто совершают попытки самоубийства. Они приветствуют смерть как финал, венчающий агонию жизни. Поэтому, вместо того чтобы отвергать предъявленные обвинения, они радуются смертному приговору как последнему эпизоду убийства, в котором фантазии саморазрушения, руководившие их действиями всю жизнь, наконец воплощаются в действительность.

У серийных убийц наблюдается целый ряд характерных медико-психологических аспектов. Они включают в себя признаки возможного генетического дефекта, ярко выраженные и слабо заметные признаки повреждений головного мозга в результате ударов или других физических травм, резкое нарушение химического равновесия организма, вызванное хроническим недоеданием или злоупотреблением наркотиками и алкоголем, отсутствие сознания собственного «я», являющееся следствием негативного отношения родителей или отсутствия внимания

с их стороны, а также крайнюю жестокость реакций на внешние стимулы, сопровождаемые полным пренебрежением к возможным физическим или социальным последствиям. Одними из наиболее значительных общих признаков моделей поведения серийных убийц являются неспособность воспринимать наказание как средство устрашения, призванное помешать их преступным деяниям, острая заинтересованность следственной процедурой и восхищение детективами, ведущими дело. Карлтон Гэри даже имел роман с помощницей шерифа как раз в тот период, когда совершал преступления в Виннтоне. Он был ее любовником, вел двойную жизнь, и женщина не догадывалась, чем он занимается. У серийных убийц полностью отсутствует психофизиологический механизм, который удерживает большинство людей от мгновенного реагирования на жестокость или негативные импульсы. Начав однажды убивать, они теряют способность контролировать свое поведение, как бы ни складывались обстоятельства. Однако у серийного убийцы подобная потеря контроля возникает эпизодически. Во время таких эпизодов поведение преступника превращается в ритуальную модель, включающую троллинг, stalking, заманивание, захват, истязание, убийство, новый захват и посмертную (с точки зрения жертвы) депрессию.

В промежутке между эпизодами благодаря отсутствию ощущения собственного «я» серийный убийца растворяется среди людей, словно самый обычный человек. Некоторые умудряются заниматься сверхактивной благотворительной деятельностью. Так, во время своей волны убийств Джон Гейси развлекал детишек, лежащих в больнице. Тед Банди работал на телефоне доверия, по которому увещевал тех, кто готовился совершить самоубийство, и написал пособие по оказанию помощи в кризисных состояниях, вызванных пережитым изнасилованием.

Потеря контроля, отсутствие рационального поведения в отношении оценки последствий личной жестокости и навязчивая тяга к преднамеренному убийству – вот что отличает серийного убийцу от всех других убийц. Исходя из научных исследований, проведенных в различных учреждениях закрытого типа, и из обследования отдельных личностей по фактам проявления жестокости и совершения насилия, мы разработали гипотезу, согласно которой эпизодическая агрессия, включающая жестокое обращение с детьми и членами семьи, изнасилование, серийное убийство, по существу является заболеванием, и потому его можно лечить и предотвращать.

Ключ к диагностике этого заболевания у конкретного человека лежит в обнаружении основных моделей поведения, характерных для преступников, проявляющих эпизодическую жестокость, в целом и для осужденных серийных убийц в частности. Первый и наиболее очевидный признак – звероподобный, примитивный подход к акту убийства, наблюдаемый у индивидуума. Случай может варьироваться от обычного изнасилования и гибели жертвы до ритуального убийства и расчленения трупа. Кроме того, первой реакцией на любой конфликт или бросаемый им вызов у многих серийных убийц бывает вспышка жестокости, заставляющая стынуть в жилах кровь. В случаях Генри Ли Люкаса и Джона Гейси их встречи с незнакомыми людьми заканчивались для последних трагически, стоило серийному убийце почувствовать, что потенциальная жертва бросает ему вызов. Бобби Джо Лонг сообщил, что после серьезной дорожной аварии, сделавшей его инвалидом – мозг преступника получил значительное повреждение, – он потерял способность контролировать свой нрав. Даже малейшего раздражения, например стука молотка или внезапного шума, хватало, чтобы вызвать у Лонга приступ ярости. Спустя годы он сделался вначале насильником, а затем серийным убийцей, насильничавшим и истязавшим свои жертвы, прежде чем их убить. Очень похожая биография у Джона Гейси. За несколько лет до убийства первой жертвы (перед этим он всегда сильно напивался) у Гейси вошло в привычку искать встречи с молодыми людьми на автобусных остановках и в других общественных местах, предлагать юношам деньги или наркотики, приглашать на ужин, вступать с ними в сексуальную связь. Лишь через много лет, окончательно сформировавшись как

серийный убийца, заметив вызов или сопротивление нового знакомого, он обманом завлекал жертву к себе домой, где пытал ее, убивал и хоронил в подвале.

Склонность к спонтанной жестокости характерна для детей, с которыми в семье плохо обращаются, которых часто бьют. Вырастая, они передают эту жестокость последующим поколениям. Как показало исследование Марвина Вольфганга – его объектом стали мужчины 1945 года рождения, имевшие преступное прошлое, связанное с проявлениями крайней жестокости, – эти люди в детстве были объектами бесчеловечного обращения, жертвами родительской жестокости. Кроме того, обращение к жестокости как к первому средству разрешения любого конфликта характерно для людей с небольшими повреждениями головного мозга, особенно его лимбической области или лобной доли, тормозящими примитивные защитные реакции. У серийных убийц, прошедших САТ- и РЕТ-сканирование² либо психоневрологическое тестирование, также были обнаружены некоторые формы значительных повреждений лимбической области головного мозга.

Несовершеннолетние правонарушители, совершившие жестокие преступления, и агрессивные, вплоть до готовности к убийству, дети представляют особую ценность для анализа причин развития их заболевания. Преступления основной массы жестоких малолетних нарушителей закона не было первым проявлением крайней жестокости. Изучение их криминального прошлого показывает: тенденция к жестокости возникала при первом соприкосновении, или, точнее, первых трениях с властями. Нередко один или оба родителя таких детей оказывались причастны к преступной деятельности того или иного рода, и жестокость была частью и их прошлого. Медицинские обследования несовершеннолетних преступников, проявляющих жестокость, обычно выявляют различные психологические и неврологические проблемы, начиная от повреждений или дисфункций головного мозга и кончая дефицитом питания и разными формами отравления токсичными веществами.

Даже на ранней стадии развития у потенциального серийного убийцы наблюдаются признаки патологии и претенциозности. Отдельные специалисты утверждают, что порок дает о себе знать до достижения пятилетнего возраста. Именно в этот период необходим квалифицированный диагноз, исследование же подобных состояний – вопрос будущего. Как совершенные социопаты, такие люди не ощущают вины за свои поступки и не предвидят последствий криминальных деяний. Находясь в неконтролируемом состоянии, серийные убийцы считают, что просто блокируют воспоминания о преступлениях и изменяют свои признания соответственно потребностям следователей на данный момент. Им чрезвычайно удобно ссылаться на потерю памяти, однако они действительно этим страдают. Они способны без всякого стеснения лгать о своих прошлых преступлениях. Именно это обуславливает крайнюю сложность расследования серийных убийств и постановки диагноза серийным убийцам. Следователи приходят в ярость. Преступники с легкостью манипулируют самым опытным следователем или психиатром и могут сбить его с толку. Они обманут даже оператора детектора лжи. Все их рассказы должны фиксироваться документально, иначе они изменят показания, чтобы приспособиться к любой ситуации. Серийным убийцам неведомы угрызения совести, которые толкали бы их на признание. Они испытывают свои, внутренние страдания, мало связанные с действительно совершенными преступлениями. Поэтому так важно вмешаться в жизнь формирующегося серийного убийцы на ранней стадии, пока его боль и ярость еще лежат на поверхности.

Стоит преступнику переварить всю накопившуюся ярость и загнать ее далеко вглубь своей души, как она начнет материализоваться в его жертвах. В сознании преступника жестокость выстраивается в сложное архитектурное сооружение, которое поддерживает убийцу до

² САЕ-сканирование – рентгеновская компьютерная томография, является основным томографическим методом исследования внутренних органов человека с использованием рентгеновского излучения. РЕТ-сканирование – позитронно-эмиссионная томография, радионуклидный томографический метод исследования внутренних органов.

тех пор, пока не начинает разрушаться под собственной тяжестью. Тогда он нередко пытается совершить самоубийство, чтобы прекратить внутреннюю пытку.

Если проявления примитивной жестокости и насилие в семье – наиболее явные поведенческие признаки синдрома серийного убийцы, то наличие в анамнезе черепных травм, нарушения деятельности головного мозга, неврологические расстройства или эпилепсия являются его важнейшими медицинскими признаками. В эволюции синдрома серийного убийцы играют роль и генетические факторы. Поскольку некоторые формы эпилепсии и функциональных нарушений головного мозга могут быть наследственными, серийному убийце не требуется черепно-мозговая либо родовая травма в качестве неременной причины нарушений мозговой деятельности. Эти физиологические отклонения от нормы оказывают непосредственное влияние на поведение и социальный контроль, которому индивидуум способен его подвергать. Даже незначительные травмы головного мозга или легкие повреждения способны вызвать утрату контроля и склонность к жестокости. Если это состояние вызывается побоями, полученными в детстве, или наблюдается в истории семьи, отличающейся высокой степенью нестабильности, естественная адаптация к обществу, которая должна произойти, на самом деле не происходит, и индивидуум не получает основы для контроля над своими эмоциями. Его поведенческие ориентиры уходят внутрь, его личность уже не вписывается в окружающую действительность. Он теряет над собой контроль.

Компоненты, окончательно формирующие данный синдром, включают в себя поведенческие реакции на химическое неравновесие, вызванное плохим питанием, злоупотреблением алкоголем и наркотиками, отравлением токсинами. Первый компонент, неправильное питание, есть результат жизни в неблагополучной семье, где отсутствовали условия для нормального физиологического развития ребенка и, как следствие, наблюдались продолжительные нарушения рациона и связанный с этим дефицит витаминов и минеральных веществ. Рацион, в котором катастрофически не хватает определенных питательных веществ, лишает головной мозг «топлива», необходимого для поддержания естественных функций. Дефицит железа ослабляет организм и лишает его способности восстанавливать силы; дефицит цинка и калия способен вызвать сбой эндокринной системы, повергнуть человека в состояние хронической эмоциональной бури, недостаток витаминов В и С делает организм уязвимым даже к самым ничтожным инфекциям. В таких случаях поведенческие нарушения, например мгновенные жесткие реакции на незначительные внешние раздражители, становятся почти обычным явлением. Подобные нарушения могут быть результатом избытка или недостатка сахара, крахмала либо серьезного дефицита определенных микроэлементов, помимо цинка и железа. Спонтанные реакции может вызывать отравление свинцом и кобальтом – двумя токсичными элементами, связанными с загрязнением внешней среды, которые неизменно обнаруживались в анализах крови серийных убийц. Поэтому клинические испытания предрасположенности к проявлениям жестокости должны включать анализ крови на содержание химикатов.

Злоупотребление химическими веществами, наркотиками или алкоголем также составляет важнейший поведенческий компонент, влияющий на формирование серийного убийцы. Большинство осужденных преступников – хронические пьяницы или наркоманы. В момент совершения убийства они либо бывали пьяны, либо находились под воздействием наркотиков. Однако проблема выходит далеко за рамки преходящего состояния опьянения. Алкоголь имеет остаточный эффект, воздействуя на мозг и нервную систему. Его длительное употребление разрушает мозговую ткань, вызывая повреждения некоторых участков мозга. Если состояние опьянения затягивается, деятельность головного мозга подвергается торможению, социальный контроль снижается, а у склонного к жестокости индивидуума вообще пропадает. В периоды эпизодической жестокости алкоголь еще более повышает уровень дезориентации серийного убийцы и увеличивает его оторванность от общества. То же самое можно сказать и о наркотиках. Они усугубляют галлюцинаторное состояние и значительно ослабляют функции мозга.

По словам Генри Ли Люкаса, все свои преступления он совершал в пьяном виде. Тед Банди – хронический алкоголик, вступивший в Общество анонимных алкоголиков во время своего тюремного заключения, а Джон Гейси, дорвавшись в заключении до алкоголя, настолько разъярился, что на него пришлось надеть смирительную рубашку, чтобы он не нанес себе увечий. В основном серийные убийства совершаются в состоянии алкогольной или наркотической интоксикации.

Как форма жестокости, распространяемая в эпидемических масштабах и характеризующаяся патологией, подлежащей медицинской диагностике, серийное убийство явно относится к области физической жестокости, которую Главный хирург США С. Эверетт Кооп назвал «критической проблемой общественного здоровья». Главный хирург считает семейную жестокость, издевательства над детьми, сексуальное насилие, злоупотребление химическими веществами и любые преступления или убийства, являющиеся компонентами синдрома серийного убийцы, угрозой здоровью общества, требующей наряду с деятельностью специалистов уголовного права участия медиков и социальных работников. В борьбе с насилием над детьми в семье и изнасилованиями Служба общественного здравоохранения не пытается использовать чисто медицинские средства, а ищет новые, коллективные формы профилактики. Признавая, что жестокость служит признаком заболевания, Служба общественного здравоохранения может расширить ответственность за совершение преступлений определенного типа за пределы непосредственного действия полиции и суда, привлекая врачей, службы скорой помощи, медицинских сестер и школьные советы. Обращая внимание школьного или больничного социального работника или даже полицейского инспектора по делам несовершеннолетних на конкретный случай, ориентируя их на расследование обстоятельств совершения того или иного преступления, Главный хирург предлагает принять меры, чтобы прекратить, «закоротить» карьеру убийцы, пока он не совершил новых злодеяний и не предстал обществу в роли серийного либо массового убийцы.

Подобно физическим заболеваниям, многие формы семейной и личной жестокости можно предотвратить. Один из первых знаков признания такой позиции – предположение, высказанное Главным хирургом, что жестокость – это заболевание, требующее медицинской профилактики. К данной категории относятся заболевания сердца, а также разнообразные формы прогрессирующих нервных болезней. Серийное убийство, как и большинство видов жестокого поведения, равно предотвратимо, если страдающий ими индивидуум своевременно выявлен и случай удалось диагностировать. Постановка диагноза начинается с выводов врача скорой помощи или школьной медсестры, которая замечает на теле ребенка синяки и ссадины, с заявления женщины, подвергшейся сексуальному насилию, или с поведения несовершеннолетнего нарушителя, замеченного полицейским. Однако уже на самой ранней стадии проявления жестокости большинство специалистов оказывается настолько шокировано увиденным, что просто отворачиваются, словно устранившись от собственных первобытных инстинктов.

Этот страх и отвращение следует преодолеть, чтобы направить их возбудителя в нужное русло. Затем надо собрать первичные данные о прошлом индивидуума и его семье, изучить его медицинскую карту, провести серию тестов спонтанных рефлексов и тестов на психологическое восприятие, проверить реакцию зрачка на свет или даже провести общее медицинское обследование. Врач, медсестра или опытный специалист определяют, следует ли углублять исследование. Тесты и простой опрос можно провести за один-два часа. Требуется лишь, чтобы медик оценил, проявляет ли больной или правонарушитель какие-то признаки неконтролируемой враждебности, психологической дезориентации, граничащей с взрывной жестокостью, или нарушения деятельности головного мозга.

Для подтверждения любого диагноза требуются дополнительные тесты. Если диагностирована предрасположенность к эпизодической жестокости, невропатологи и психологи должны провести экспертизу и надлежащее клиническое обследование. Этим специалистам необхо-

димо знать причины такого поведения, а также применимый в данном случае закон Уголовного кодекса и судебную процедуру определения безумия или функциональной невменяемости во время цикла галлюцинаций или фантазий. Экспертиза включает тщательное медицинское и психологическое обследование. И наконец, требуется разработать механизм диагностики, позволяющий понимать природу эпизодического жестокого поведения и прогнозировать его. Надо поднять подготовку специалистов на новый уровень, оказывать помощь врачам в выявлении признаков эпизодически жестокой личности.

Это даст возможность прогнозировать случаи эпизодической жестокости у данного индивидуума и определять курс лечения и в конечном итоге спасет жизни жертв преступлений, которые он мог бы совершить. Такой уровень вмешательства предполагает, что случаи эпизодического жестокого поведения свидетельствуют не только об отклонении в контролируемом поведении, но и о совокупности органических нарушений; одни из них являются генетическими и просматриваются в трех поколениях, другие – хроническими, а некоторые – приобретенными. В сочетании с историей жестокого воспитания и негативного влияния родителей, чьи традиционные полярности поощрения и наказания, любви и ненависти были поставлены с ног на голову, все это приводит к формированию обезличенного типа индивидуума, не имеющего средств контроля над импульсами жестокости, неспособного существовать среди людей. Эверетт Кооп и его коллеги в области общественного здравоохранения признают: судебное преследование индивидуумов, совершивших акты жестокости, – лишь поверхностное решение проблемы. Важно признать эту форму жестокости в качестве заболевания и направить всю систему медицинской помощи и права на его профилактику.

Истории появившихся в последнее время серийных убийц, рассказанные в последующих главах, подтвердят эту гипотезу и покажут, как проявляется болезнь у конкретных индивидуумов и как современная система препятствует их всестороннему обследованию и профилактике заболевания.

Серийные убийцы сегодня

Синдром серийного убийцы – не новое явление в истории. Однако оно стало значительно заметнее в американском обществе начиная с 1958 года и лишь теперь привлекло к себе повышенное внимание органов правопорядка и медиков. На самом деле истории известно множество примеров злодеяний, имеющих разительное сходство с преступлениями современных серийных убийц. К числу реальных лиц, которые, казалось, убивали, движимые жадой крови, стремлением к акту убийства самому по себе, лишенному какой-либо мотивации, принадлежат Калигула, Влад Цепеш, Жиль де Ре, Джек Потрошитель. Безусловно, многие рассказы про вампиров и оборотней, распространившиеся в Европе в Средние века и популярные по сей день, отражают страх, что кто-то таится за пределами видимого нами мира, охотится за людьми, испытывая потребность убивать. Там, где сохранились архивы, из имеющихся записей можно понять: серийные убийцы появлялись в одном и том же роду, где вспышки патологий наблюдались в каждом поколении. Часто наличие этой патологии обнаруживается в каком-то внешнем уродстве или физической аномалии, например слишком длинном среднем пальце на ногах, кожных перепонках между пальцами рук или треморе. Многие из известных серийных убийц происходили из семей, обладавших значительной властью в обществе, что позволяло злодеям безнаказанно охотиться за жертвами, пока сама семья не заперала преступника или он не умер своей смертью.

Сегодня в свете современной статистики преступлений и данных, содержащихся в полицейских архивах, мы располагаем более достоверной информацией о деятельности серийных убийц, причем очевидно, что число этих преступлений неуклонно растет. Основываясь на обширном фактографическом материале, можно проследить масштабы жестокости каждого известного серийного убийцы. В настоящей главе мы приводим краткие сведения о некоторых наиболее активных преступниках и их злодеяниях с 1961 года. Вы проследите за усилением жестокости. Кроме того, эти данные позволяют сделать вывод, что все описанные здесь индивидуумы соответствуют обрисованному нами профилю серийного убийцы.

1961 г. Мелвин Д. Рис-младший. Джазовый музыкант. Осужден за убийство семьи в штате Мэриленд. Он похитил людей из машины, напав из засады на одной из магистралей. На трупе матери было поднято кверху платье, женщину задушили ее же нейлоновым чулком. Маленькую дочку забили до смерти, а отца нашли вдалеке от машины, руки у него были связаны галстуком, голова прострелена. Когда в него стреляли, он держал на руках свою вторую полуторогодовалую дочку. Тело мужчины упало на девочку, отчего та задохнулась. Рис стал главным подозреваемым и по другим делам об убийствах в штате Мэриленд. После того как преступника признали виновным, он попросил для себя смертной казни, но был приговорен только к пожизненному тюремному заключению.

1964 г. Альберт Де Салво, больше известный как Бостонский душитель. Во время своей серии убийств терроризировал весь Бостон. Он отлично маскировался, проникая в дома своих жертв под видом водопроводчика или мастера, выполняющего мелкий ремонт. Потребность к убийствам толкала его на все больший риск даже тогда, когда он жил со своей семьей.

1966 г. Майки Ли Херрингтон. Этот двадцатитрехлетний инструментальщик из штата Милуоки, по собственному признанию, убил и искалечил двух женщин, а также планировал третье убийство – все на протяжении трех месяцев. Херрингтон был женат, но не имел детей.

Неизвестный подозреваемый. В Цинциннати женщина восьмидесяти одного года стала одной из его пяти жертв, обнаруженных в своих домах задушенными шнурами от настольной лампы. Все были перед смертью изнасилованы. Через десять месяцев убийства прекратились, личность преступника так и не смогли установить.

Чарльз Шмид-младший, которого полиция назвала «Дудочник в пестром костюме» (герой поэмы Браунинга³). Ему было предъявлено обвинение в убийстве трех девочек-подростков в 1965 году. Шмид признал, что убил детей и закопал тела в пустыне, потому что ему от этого «было хорошо».

1967 г. Доктор Рональд Кларк из Детройта, сам в прошлом пациент психиатрической клиники, убивал своих больных инъекциями смертельных доз пентотала натрия. Кроме того, ему были предъявлены обвинения в сексуальном нападении на пациенток и детей.

1969 г. Антон Коста с Кейп-Кода, осужденный за убийство трех женщин, чьи изуродованные и расчлененные тела были обнаружены погребенными в песчаных дюнах. Полиция до сих пор продолжает официальный розыск других тел его жертв.

1971 г. Уильям Пирс, выпущен из тюрьмы штата Джорджия под честное слово. В Бофорте, Южная Каролина, был обвинен в совершении новых убийств, восьмого и девятого по счету. Он лишил жизни двадцатилетнюю домохозяйку и работницу бензоколонки. Пирса отпустили под честное слово в 1970 году, несмотря на предупреждение тюремного психолога, в котором говорилось: «может быть опасен для себя и окружающих».

Эдмунд Дж. Коди, водитель грузовика, женатый девять раз. Обвинялся в убийстве Леты Гей, своей последней жены, разлагающееся тело которой нашли у него в машине. Подозревался в убийстве по меньшей мере еще четырех своих жен, в то время как остальные четыре числились пропавшими без вести. В настоящее время Коди отбывает пожизненное тюремное заключение.

1972 г. Бенджамен Франклин Миллер из Стэмфорда, Коннектикут, объявил себя священником и проповедовал на перекрестках. Он обвинялся в том, что на протяжении четырех лет убил пять чернокожих женщин. Его называли «Лифчиковый убийца»: Миллер душил свои жертвы их же бюстгалтерами. Он считал себя вторым Билли Грэмом⁴, и его часто приглашали проповедовать в местные церкви. Полиция полагает, что там он и знакомился с будущими жертвами.

Хуан Корона. Подрядчик по найму рабочей силы для фруктовых ферм в Калифорнии. Осужден за убийство десятков рабочих-переселенцев, приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. Он совершал ритуальные убийства, устраивал резню и вывозил тела жертв на автобусе, чтобы закопать в братских могилах.

1973 г. Жирар Джон Шефер по прозвищу «Сексуальный зверь» имел отношение более чем к двум десяткам убийств в районе Окленд-Парка, штат Флорида. О причастности Шефера, бывшего офицера полиции, к этим преступлениям говорит тот факт, что драгоценности, зубы и другие предметы, принадлежавшие жертвам, были найдены в багажнике его машины.

Герберт Мамин из Санта-Круза, Калифорния, был обвинен в совершении десяти убийств. Это поразило общество, поскольку в школе его характеризовали как общительного, коммуникабельного человека с хорошими перспективами.

Эдмунд Эмил Кемпер, также из Санта-Круза. Обвинялся в убийстве своей матери и по меньшей мере семи женщин, которых подвозил на машине. Расчленяя тела, он разными способами сохранял конечности и внутренние органы. Кемпер длительное время страдал психическим заболеванием, всю жизнь его то запирали в психиатрическую лечебницу, то отпускали на волю. После убийства матери Кемпер сдался полиции, так как знал, что будет продолжать убивать, если его не остановят.

³ «Пестрый дудочник» – поэма Роберта Браунинга, в которой музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увёл за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

⁴ Уильям (Билли) Франклин Грэм – американский религиозный и общественный деятель, пастор баптистской церкви. Член самого крупного баптистского объединения в мире – Южной баптистской конвенции. На протяжении многих лет является духовным советником президентов США.

Брюс Хендерсен Шривс, моряк, ушедший в самовольную отлучку, был связан с тремя случаями в Спенсервилле, штат Мэриленд. Полиция сообщала, что убийца избавлялся от тел особым способом, напоминавшим ритуал, который был общим для всех убийств, что указывало на совершение преступлений одним лицом.

Дин Корл, «Мужчина с конфеткой», и Элмер Бейн Хенли из Хьюстона, штат Техас, вместе осуществили более двадцати семи ритуальных убийств маленьких мальчиков. Корл заманивал детей в свой кондитерский магазин, где устраивал с ними «вечеринки», во время которых мальчиков принуждали совершать акты содомии и иные сексуальные контакты. Затем их убивали, посыпали известью и хоронили. Позднее Хенли убил и своего напарника Корла. По словам преступника, Корл связал его вместе с двумя другими жертвами. Хенли вызвался истязать несчастных, если будет развязан. Корл освободил его, и тогда Хенли застрелил бывшего сообщника.

Джулиан Кеннеди, тридцати лет, из Лейк-Сити, Флорида. Ему было предъявлено официальное обвинение в убийстве женщины. Он признался полиции, что совершил еще тринадцать аналогичных преступлений за пятнадцать лет. По его словам, первое убийство представляло собой акт посвящения в банду байкеров: приказали избить до смерти человека, что он и сделал с помощью стула и рукоятки топора.

1974 г. Лэрри С. Грин, Дж. Д. Симпсон, Мэнгуэл Мур и Джесси Кукс утверждали, что принадлежат к секте «Ангелы смерти». Обвинялись в совершении убийств «зебра» – серии убийств чернокожими белых. Эта секта, по их словам, насчитывала более двух тысяч членов. Целями сообщества являлись пытки, уродование, убийство белых жертв.

«Зодиакальный убийца» совершил сексуальные нападения и убийства нескольких детей в Сан-Франциско. Полиция дала ему такое прозвище, потому что он вырезал на телах жертв знак зодиака. Преступник остался непойманным, преступления – нераскрытыми. Полагают, что он либо покончил с собой, либо был госпитализирован в психиатрическую лечебницу. Через несколько месяцев убийства прекратились так же внезапно, как и начались.

Кальвин Джексон, бывший наркоман, ранее судимый, признался, что изнасиловал и задушил одиннадцать пожилых женщин в их квартирах в Нью-Йорке.

1975 г. Томас И. Крич в Уолласе, штат Айдахо, признался в убийствах сорока двух человек, которые совершил в предшествующие восемь лет. Крич был «палачом по контракту» общенациональной банды байкеров, занимавшейся перевозкой наркотиков и совершавшей ритуальные убийства. По его словам, он был в банде восьмым по числу убитых им жертв.

Джозеф Каллигер, Сапожник, вместе со своим сыном Майклом убил в Нью-Йорке трех человек. По утверждению Каллингера, Бог уполномочил его пытать жертвы перед смертью.

1976 г. Воун Гринвуд из Лос-Анджелеса обвинялся в убийствах одиннадцати бродяг за два года. Он отсекал жертве голову и ставил на тело чашку с кровью, вокруг головы жертвы сооружалось нечто вроде капюшона, который посыпался солью.

1977 г. Патрик Кирни, в прошлом инженер по космической технике. Осужден в Южной Калифорнии за «убийства в мусорных пакетах». Убил свыше двадцати восьми гомосексуалистов; упаковывал трупы в пакеты и выбрасывал на мусорные свалки.

1978 г. Кеннет Бьянки, Хиллсайдский душитель, вместе с Анжело Буоно осужден за убийство девяти молодых женщин в богатом районе Лос-Анджелеса.

Гэри Джин Тайсон из Флоренса, Аризона, бежал из тюрьмы, где отбывал пожизненное заключение за убийство. В течение трех недель совершил убийства вместе с тремя сыновьями. Они лишили жизни двухлетнего мальчика и его родителей, девочку-подростка и молодоженов. Двоих сыновей задержала полиция, третьего – убили, а отец сбежал в пустыню, где спустя несколько недель был найден умершим от истощения.

Бобби Джо Максфелл, названный нью-йоркской полицией Санитаром, убил восемь бомжей и бродяг – заколол ножом, пока они спали в аллеях и на тротуарах. Осужден в 1979 году.

1979 г. Джозеф Фишер арестован в Калифорнии за убийство жены. Признался полиции, что с тех пор, как в 1978 году его отпустили из заключения под честное слово, убил еще девятнадцать человек в штатах Нью-Мексико, Аризона, Мэн, Коннектикут, а также в Нью-Йорке. Все это были случайные жертвы.

Неизвестный подозреваемый. Джоанн Хаффмэн и Роберт Спэнгенбергер были найдены мертвыми в парке. Женщину застрелили. Тело обезглавленного мужчины найдено в багажнике его автомобиля. Очевидно, они погибли от рук одного убийцы. Это был второй случай в Техасе в данном году.

Пол Бейтсон, оператор рентгеновского аппарата из Медицинского центра Нью-йоркского университета, в Манхэттене, осужден за убийство Эдисона Берилла, нью-йоркского писателя. По словам Бейтсона, он убил еще несколько человек, расчленил тела и, упаковав в мешки для мусора, сбросил в Гудзон.

Джон Вейн Гейси, уважаемый в обществе человек, строительный подрядчик из Чикаго, арестован за убийство тридцати двух юношей и мальчиков. Это один из самых известных серийных убийц всех времен. Гейси обвинялся в том, что знакомился с юношами на автобусных остановках или на обочинах дорог, приглашал к себе в гости, занимался с ними сексом, а затем некоторых истязал и убивал. Тела жертв хоронил в подвале своего загородного дома. О преступлениях в конце концов сообщила его жена, пожаловавшаяся, что из-под дома доносится дурной запах.

Теодор Банди – другой знаменитый преступник, приговорен за убийство своих сокурсниц в общежитии колледжа во Флориде и за убийство двенадцатилетней девочки. Он также причастен к подобным случаям в Сиэтле и Солт-Лейк-Сити. Находился в федеральном розыске, скрываясь от полиции. Приговорен к смерти, но исполнение приговора отсрочено. Тем временем его апелляции рассматриваются судами разных инстанций⁵.

Джеральд Юджин Стано за пять лет убил во Флориде тридцать девять человек. В настоящее время находится в отделении смертников в Сан-Квентине⁶.

1980 г. Рой Льюис Норрис и Лоренс Э. Биттикер осуждены за убийство пяти девочек-подростков в районе Лос-Анджелеса, в настоящее время находятся в отделении смертников в Сан-Квентине.

Дэйвид Карпенгер обвинялся в убийстве семи человек, путешествовавших автостопом, в Пойнт-Рейс-Стейшн, Калифорния. Приговорен к смертной казни.

Корал Уоттс призналась в «утренних воскресных убийствах» в Хьюстоне. Она зарезала большим ножом более сорока чернокожих женщин.

Карлтон Гэри убил девять представительниц высшего общества Виннтонна, района города Колумбуса, Джорджия. Гэри, прозванный «Чулочным душителем», ускользал от полиции до 1984 года. В 1986 году осужден и приговорен к смерти. До настоящего времени в судах рассматриваются его апелляции⁷.

1981 г. Неизвестный преступник. Совершил серию из шести убийств в районах Таймс-Сквера и Мидтауна, в Манхэттене. Все жертвы латиноамериканского происхождения. Нью-йоркская полиция прозвала его «Мидтаунским палачом». Дело до сих пор расследуется.

Уэйн Б. Уильямс арестован за совершение убийств детей в штате Атланта. Эти преступления держали население в страхе больше года. Сообщения о них занимали первые полосы газет по всей стране. Во время расследования местная полиция конфликтовала с подкреплением, присланным из центра. Уильямс был приговорен за убийство одной жертвы лишь на основании

⁵ Теда Банди казнили на электрическом стуле 24 января 1989 года во Флориде.

⁶ В 1998 году Джеральда Стано казнили на электрическом стуле.

⁷ 1 декабря 2009 года Верховный суд США отказался рассматривать последнюю апелляцию Гэри. 16 декабря 2009 года всего за несколько часов до казни Верховный суд Джорджии приостановил приведение приговора в исполнение, чтобы провести слушание и при помощи ДНК-тестов установить виновность или невиновность Гэри.

косвенных доказательств. Впоследствии, когда появились новые улики, дело открыли вновь. После ареста Уильямса убийства прекратились, но многие жители Атланты убеждены: Уильямс – не «атлантский убийца детей», и настоящий преступник остался на свободе.

Неизвестный подозреваемый. Разыскивается за убийство семи чернокожих женщин в Атланте. Поскольку город уже приготовился к худшему, многие жители были убеждены, что «убийца детей» теперь избрал себе новые жертвы или что драмы, разыгравшиеся в Колумбусе в 1977 году, вдохновили очередного преступника, выбравшего в качестве добычи чернокожих пожилых женщин. Дело до сих пор не закрыто.

Неизвестный подозреваемый из Ричленда, штат Джорджия. Убил трех девочек-подростков. Их нашли жестоко избитыми и изнасилованными, привязанными металлической проволокой к деревьям, где в конце концов они умерли от ран. Дело остается открытым.

Дэвид Буллок. Убил по меньшей мере шесть человек, включая своего партнера по бизнесу и одного актера на углу улицы в Манхэттене. Заявил судье уголовного суда штата Нью-Йорк: «Убийства приносят мне радость».

Роберт Дейл Хендерсон, бродяга из Тавареса, Флорида, признался, что убил порядка десяти человек в пяти штатах.

Джозеф Джон Салливан, привлечен к суду в Сиракьюсе, штат Нью-Йорк, за убийство двенадцати человек.

Уильям Боннин, «убийца с большой дороги». Осужден за убийство десяти юношей и мужчин. Тела своих жертв бросал на магистралях в Южной Калифорнии.

Бернард Бартон Ханвик. Арестован в Дейд Каунти, Флорида, за серию убийств. Признался, что является главой «ударного эскадрона», ответственного по меньшей мере еще за сотню аналогичных преступлений.

Кристин Фоллинг. Приговорена во Флориде за убийство от двух до пяти детей, которых задушила в семьях, где работала няней. Ей был поставлен диагноз «эпилепсия». Убийца считала, что жертвы тоже являются эпилептиками.

1983 г. Неизвестный убийца. Убил в Уайт-Плейнзе, штат Нью-Йорк, четырех женщин в течение семи месяцев. Убийства внезапно прекратились, дело до сих пор не закрыто.

Генри Ли Люкас и Оттис Тул – оба ранее судимых, имели в анамнезе психические заболевания. Осуждены в Галвестоне, штат Техас, за убийство двадцати восьми женщин.

Анжело Буоно-младший, обойщик сидений автомобилей, вместе с Кеннетом Бьянки, «Хиллсайдским убийцей», осужден за убийство девяти женщин в богатом районе Лос-Анджелеса.

Генри Брайсон осужден в Чикаго за убийство трех человек во время разбоя на дороге. До сих пор пытается лишиться жизни кого-нибудь из заключенных. Содержится в отделении для смертников вместе с Джоном Гейси, которого также поклялся убить.

Ричард Бигемволд убил четырех женщин и одного мужчину, а затем закопал в неглубокие ямы.

Чарльз Хэтчер. Когда ему было предъявлено обвинение в убийстве четырехлетнего мальчика, признался в убийстве еще шестнадцати человек.

Дуглас Дэвид Кларк, «Убийца на закате», лишил жизни шесть женщин в Лос-Анджелесе.

Неизвестный подозреваемый. «Убийца с Грин-Ривер» в Сиэтле. Убил сорок молодых девушек и женщин, утопил тела в Грин-Ривер. Жертвы – либо сбежавшие из дома, либо проститутки.

Неизвестный подозреваемый, разыскивается по «Делу об убийствах в дюнах» в Провинстауне, штат Массачусетс. Серийный убийца оставил в песчаных дюнах тела двенадцати молодых женщин. По настоянию прокурора округа дело до сих пор не закрыто.

1984 г. Дженин Джонс, осуждена за одно убийство, но подозревается в причастности к смерти шестидесяти одного новорожденного в Бексарском окружном административном медицинском центре в Сан-Антонио, Техас.

Джеральд Галлего, водитель грузовика и бармен, обвиняется в похищении студентов – юноши и девушки. Молодого человека он застрелил, а девушку изнасиловал и убил. Галлего также обвинялся в совершении еще четырех убийств в штате Юта и подозревался в одном убийстве в штате Орегон и трех в Калифорнии. Его отец был признан виновным в аналогичном преступлении и отправлен на электрический стул в 1955 году. В настоящее время Джеральд Галлего находится в отделении для смертников⁸.

Дебра Сью Таггл убила пять собственных детей и ребенка своего бой-френда в Литл-Роке, штат Арканзас.

Джозеф Вол Фрэнклин, оголтелый расист, осужден за убийство двух чернокожих мужчин в штате Юта. Подозревался в убийстве случайных жертв – еще восьми афроамериканских мужчин и четырех белых женщин в семи штатах с 1977 по 1980 год. Ранее Фрэнклин состоял в Ку-Клукс-Клане и Американской нацистской партии. Обычно убивал своих жертв из ружья, спрятавшись в засаде.

Роберт Хэнсон из Анкориджа, штат Аляска, признался в убийстве семнадцати женщин. Он был женат, однако сообщил полиции, что « всю жизнь чувствовал, как женщины его отвергают ».

Кальвин Перри, восемнадцатилетний заключенный из Форт-Уэйна, штат Индиана, найден в своей камере повесившимся. Перед этим он признался, что убил Дэна Осборна, его жену и их одиннадцатилетнего сына. Он также изнасиловал и избил их двухлетнюю дочь и даже насмерть забил палкой собаку. Перед смертью Перри заявил, что совершал и другие убийства. Тюремное начальство подозревает, что и самому Перри «помогли» уйти на тот свет.

Кристофер Уайлдер, из Вест-Палм-Бича, Флорида, миллионер, был убит в перестрелке с двумя полицейскими. Уайлдер имел отношение к убийствам на сексуальной почве одиннадцати женщин, из которых шесть до сих пор числятся без вести пропавшими.

Роберт А. Диаз, ночной медбрат из Лос-Анджелеса, обвинялся в убийстве двенадцати пациентов больницы, где работал в кардиологическом отделении. Вводил своим жертвам десятикратную дозу лидокаина. В настоящее время находится в отделении для смертников в Сан-Квентине.

Несмотря на различное прошлое преступников, у них налицо общие черты. Наиболее поразительное сходство – способность большинства из них вести относительно обычную жизнь в период, когда под действием навязчивой идеи они совершают убийства. Джон Гейси, Хуан Корона, Альберт Де Салво и Тед Банди жили под своими именами, благодаря чему обладали свободой передвижения. Некоторые убийцы прибегали к гриму, чтобы получить наиболее удобное место для выслеживания жертв. Де Салво проникал в дома, представляясь водопроводчиком, вызванным хозяином, чтобы проверить трубы. Когда его впускали, он захлопывал расставленный капкан и душил жертву. Джон Гейси заманивал жертвы к себе домой обещанием работы и имел помещения для пыток и погребения. А студент Тед Банди беспрепятственно проходил в общежития, молодежные клубы и другие места, где собирались красивые девушки.

Почти все убийцы выбирали совершенно случайных жертв. Иначе говоря, между добычей и охотником не существовало никакой связи, за исключением той, что в какой-то момент жертва оказывалась в поле зрения преступника. Этот момент имеет первоочередное значение,

⁸. Джеральд Галлего был признан виновным в двух штатах – Неваде и Калифорнии – и был приговорен к смерти в обоих случаях. Он умер от рака прямой кишки 18 июля 2002 года в тюремной больнице медицинского центра штата Невада.

ведь полицейские, в том числе те, кого присылают для подкрепления из центра, и сотрудники отделов убийств опираются в расследовании именно на связь между преступником и жертвой. И когда она отсутствует, как бывает в большинстве случаев серийных убийств, полиция лишается важнейшего ключа к расследованию.

Существует немало доводов в пользу того, что все убийцы являлись в том или ином смысле больными. Наше исследование доказывает: у 88 % преступников проявлялись один или несколько симптомов заболевания. Хотя их не признали официально невменяемыми на основании теста Макнатена, в представлении каждого убийцы реальность была настолько искажена, что он мог продолжать убивать в течение долгих месяцев, а то и лет, и убийства причудливо сливались с его повседневной жизнью. И наконец, многие серийные убийцы, если их не арестовывали, совершали самоубийства, чтобы покончить со своей болью и отвращением к самому себе. В разговоре любой из них охотно признается, что болен, и большинство в тот или иной момент жизни обращалось за медицинской помощью, чтобы вылечиться от саморазрушительной сексуальности. Обычно преступники обращаются к врачу незадолго до того, как они окончательно формируются в серийных убийц.

Наличие одинаковых особенностей, характеризующих серийных убийц, наводит на мысль, что они страдают одним и тем же заболеванием, общим синдромом, возникновение которого не зависит от социальной или расовой принадлежности или среды. Понимание природы этой болезни и способность выявить проявление данного синдрома у детей – вот первые шаги на пути профилактики серийных убийств.

Анатомия серийного преступления: убийца, жертвы и общество

Джуди Зейц вспоминает: в ту весну 9 апреля выдался первый по-настоящему теплый день. Было воскресенье. Дочь Джуди, Рэчел, вместе с двенадцатилетней подружкой Кэти Ричардс только что вернулась с занятий танцевального кружка из школы на Парк-стрит. Миссис Зейц предложила Кэти остаться, чтобы ее мама, Роуз Эллис Тейер, художница и преподаватель, могла заняться живописью. Рэчел с Кэти спустились на кухню на первый этаж и попросили денег: они собирались поиграть в автоматы в кафе «Этенз Пицца», расположенном по соседству. Миссис Зейц не хотела отпускать девочек, так как приближалось время обеда. Девочки спорили: а можно им пойти, если они найдут собственные деньги? «Ну, хорошо, я не возражаю», – сдалась Джуди. Про себя она подумала, что денег им взять негде, а значит, играть будет не на что.

Но, к ее удивлению, детям удалось наскрести какой-то мелочи, которой хватило бы на игру. Джуди сдержала обещание и отпустила их. Вначале Рэчел хотела пойти на старых костылях. «Нельзя!» – крикнула Кэти, и Рэчел положила костыли на место. Девочки с хохотом побежали по лужайке к улице. Миссис Зейц наблюдала за ними в окно. «Какие они довольные», – подумала она. Подружки только что отвергли ее предложение пойти с ними; впрочем, провожать девочек ей было лень.

Кэти была у Роуз Эллис поздним, четвертым ребенком и первой дочкой. Мать девочки развелась с ее отцом и вышла замуж за Чарльза Тейера, инженера-механика на пенсии, делавшего игрушечные кровати и саночки, которые расписывала Роуз Эллис. Игрушки продавали в деревенских магазинчиках народных промыслов, разбросанных в сельской местности по всему Вермонту. Кэти была неспособной ученицей. И хотя имела средний коэффициент интеллектуальности, в эмоциональном отношении она сильно отставала от своих ровесников. Девочку было легко напугать; кроме того, в течение девятнадцати месяцев, предшествовавших ее смерти, Кэти подвергалась преследованиям взрослого соседа, а родной отец угрожал ее похитить. Кэти приходила в такой ужас от незнакомых мужчин, что мать даже просила перевести дочку в класс, где преподавали одни женщины. Но ни Кэти, ни Роуз Эллис и никто другой не знали, что в последние шесть месяцев их с подружкой тайно выслеживал некий Гэри Шефер, член местной кристадельфийской секты⁹.

Кэти и Рэчел пришли в пиццерию, но там было слишком много народу, и к автоматам стояла очередь. Девочки решили вернуться к Рэчел по дороге Сто два. Было половина пятого.

В воскресенье после обеда Гэри Шефер ехал на своем новеньком голубом «пontiаке» по шоссе Сто шесть к северу от Спрингфилда. Слушая музыку, он радовался первому теплему весеннему дню. Проезжая мимо двух подружек, шагавших по обочине дороги, ему показалось, что одна из них была его падчерицей, дочкой бывшей жены.

«Я на самом деле не обращал внимания, куда еду и что делаю, поскольку задумался. Я просто ехал и слушал хорошую музыку, – вспоминал он, – когда в зеркало заднего вида заметил, как мне показалось, Джоди. Ну, я развернул машину к Спрингфилду и снова проехал мимо девочек. Они шли к Педден-Эйкез-роуд. Я поехал в ту же сторону, развернулся и остановился, поджидая девочку, которую принял за Джоди. Она подошла прямо к моей машине.

Тогда я не посмотрел на ее подружку. Совсем даже не взглянул. То есть я хочу сказать, я не думал, что она там есть, хотя и знал, что это так. Я сидел в машине, и мы разговаривали через открытое окно. Не помню, о чем мы говорили. Я знаю, что говорил, с их слов. Вроде речь

⁹ Христадельфиане – христианская унитарная конфессия, сформировавшаяся в XIX столетии в Великобритании и США. Фактически в своем создании и развитии ориентируется на ряд раннехристианских течений.

шла о погоде или что-то в этом роде. Я даже не помню, что вообще что-то говорил. Помню, что открыл машину и сказал Джоди, чтобы та полезла внутрь, иначе ей плохо придется».

Джуди Зейц потеряла счет времени. Она приготовила девочкам обед к пяти часам. Рэчел пришла с Линдой Нойес – соседкой Зейцев, жившей на холме. Рэчел была красной и заплаканной. Она все повторяла: «Кэти похитили. Ее похитил мужчина в голубом “понтиаке”. Вернон Зейц прыгнул в машину и помчался на поиски Кэти и «понтиака». Его жена позвонила Роуз Эллис Тейер. Муж Линды уже вызвал полицию. «Я сказала Роуз, что заеду к ней за фотографиями Кэти». Когда Джуди Зейц приехала, Роуз Эллис была уже у телефона. Она звонила своему сыну Эду, но его не оказалось дома. Тогда она позвонила бывшему мужу, Чарли Тейеру, но он был на собрании в Каттингсвилле. Она и там оставила сообщение. На часах было полшестого. Женщины отправились в полицию, где начался длинный допрос, который, как им показалось, растянулся на несколько часов. Ладила ли Кэти со своим отчимом? Как складывалась семейная жизнь Роуз Эллис? А где родной отец девочки? Случалось ли, чтобы она куда-то потихоньку убегала ночью? Встречалась ли со взрослыми мужчинами? Была ли сексуально активна?

Роуз Эллис отвечала на вопросы. Она представляла, как дочка в ужасе ждет и молится о спасении. «Я до сих пор вижу кошмары: моя Кэти кричит, зовет меня на помощь».

Рэчел Зейц просмотрела полицейскую картотеку и описала портрет преступника для составления фоторобота. Она сказала: «У того человека голубой “понтиак”, как у моей мамы. На нем была красная куртка с карманами “кенгуру” и красным номером 1983 внизу на рукаве, оранжевые солнечные очки с овальными стеклами». Он проехал мимо них два раза, а потом остановился на повороте, так что его машина не просматривалась с дороги и из дома Нойесов, до которого было всего ярдов сто. Сначала он спрашивал, как куда-то проехать. Потом вышел из машины, оставив дверцу открытой, сунул руку в карман куртки и сказал: «А что, если я скажу: если вы не сядете в машину, я вас пристрелю?» Кэти заплакала. Мужчина говорил монотонно, не отрывая взгляда от Кэти, словно хотел ее загипнотизировать. Рэчел побежала к холму, а когда оглянулась, увидела, что подружка уже сидит на переднем сиденье. Девочка добавила еще кое-что о куртке мужчины. Ее одноклассник Джоул Де Лоренцо неделю назад приходил в школу в такой же.

«Наверное, со слов другой девочки вы думаете, что я будто бы говорил, что убью их, если они не сядут в машину, а я не помню, чтобы это говорил. Но и не утверждаю, что не говорил, – заявил Гэри Шефер год спустя в полиции. – Я просто уехал. Я не рванул с места так, что покрышки закрипели. Хотя возможно и такое, не помню. Но думаю, что нет. Я вернулся на дорогу и поехал на север, на Гэссет-роуд, свернул на Сто третье шоссе и поехал по направлению к Рутленду. Мы разговаривали с ней, словно она моя дочь. Девочка, наверное, очень испугалась и потому забралась в машину. Видимо, так и было, поскольку она могла так среагировать. Не знаю в точности, как она реагировала. Я бы среагировал именно таким образом, если бы был двенадцатилетней девчонкой, или сколько там ей было лет».

Гэри Шефер спросил Кэти про школу, про подружек, поинтересовался, как она провела день. Они останавливались купить гамбургеры, потом на бензоколонке, где она ходила в туалет, и, наконец, в уединенном месте, которое Шефер любил посещать в детстве. «Я там обычно ловил машину, чтобы бесплатно прокатиться, но не помню, чтобы в тот раз там останавливался. Поблизости стоял мусорный бак, здесь и состоялась наша сексуальная встреча. Это было то же, что я делал с другими девочками, ничего нового не произошло. Это был оральный секс, а потом я потерялся у нее между ногами. Не было никакой интимной близости или чего-то подобного. Это никогда не была Кэти. Я хочу сказать, это была не Кэти. Я никогда не видел в ней Кэти, не слышал в ней Кэти и не говорил с ней, как с Кэти, ничего такого. То есть теперь-то я знаю, а тогда – не знал. Это была Джоди, и это была такая же сексуальная встреча, какая бывала у нас с ней всегда».

Рэчел Зейц рассердилась, когда полиция намекнула, что Кэти решила убежать из дома с мужчиной в красной куртке. Роуз Эллис была вне себя. Она все повторяла: Кэти – маленькая девочка, она еще играет в куклы, она наивна и всегда старается помочь, она верит в закон, верит полиции и ждет, что родители спасут ее. Роуз Эллис сказала шефу полиции Питеру Хердту, что она и ее друзья хотят немедленно начать поиски. Муж Роуз Эллис – пилот, и у него есть приятели, имеющие самолеты. «Пожалуйста, проведите авиапоиск, пока не стемнело».

«Поисковики-дилетанты уничтожат следы, – возразил Хердт. – Мы уже ведем поиск». Чем настойчивее просила женщина, тем яростнее упирался начальник полиции. А когда наступила ночь, в Спрингфилд вернулась зима: температура упала до нуля, пошел ледяной дождь. «В десять часов вечера, – вспоминает Роуз Эллис, – я простилась с надеждой увидеть дочь в живых». Ей было известно, что Терезу Фентон, жертву другого точно такого же похищения, ранее совершенного в Спрингфилде, нашли чуть живой, брошенной на обочине дороги. Но Роуз Эллис знала, что на Кэти лишь легкая одежда и девочка не сможет выдержать холодную ночь с дождем и снегом.

На следующее утро Рэчел снова допрашивали в местной полиции, потом ей задавали вопросы полицейские штата и следователь из прокуратуры. Девочку возили по автостоянкам, чтобы она опознала машину или хотя бы показала, какого цвета был «понтиак» похитителя. В конце концов ее привезли к дому Де Лоренцо. Начальник полиции уже ждал их, он держал в руках куртку, накануне описанную Рэчел детективам. Рэчел сказала, что как раз в такой куртке был мужчина, который заставил Кэти сесть в свой «понтиак».

«Я остановил машину, вышел и направился в туалет. Мне показалось, она идет за мной. Я шел и знал, что она идет следом. Тут-то я и взбесился. Она превратилась в Дороти, мы были на кладбище, и все изменилось. Я испугался, что она опять станет меня бить, я не хотел, чтобы это случилось, и тогда заставил ее делать то, что Дороти заставляла делать меня. Это... это больше, чем... это не... это просто... все. Я потерял контроль над ситуацией. Я хочу сказать, все просто меняется. Не то, чтобы я мог начать дышать по-настоящему быстро. Или у меня произошел прилив крови к голове или что-то в этом роде. Меняется вся сцена, я вижу, как меня обижает сестра. Я вижу, как это происходит со мной вновь, но на этот раз я не дам этому случиться».

Я заставляю ее лечь. Мне кажется, она теперь на животе. И я делаю с ней то же, что она... моя сестра, делала со мной. Вы видите... это... это не маленькая девочка, которая там ждет, это действительно моя сестра, она там, и я... я заставляю ее делать то же, что она меня заставляла делать. А потом я нахлобачил ее. Все кончилось, и я ее выпорол».

Скрывшись с Кэти Ричардс в уединенном месте, он принудил девочку к оральному сексу; они находились всего в двух милях от места похищения, было около восьми часов. С тех пор, как Шефер заметил девочек в зеркало заднего вида, прошло три часа. Преступник говорил, что отшлепал Кэти, как это, по его утверждению, делала сестра Дороти, шлепавшая брата после занятий оральным сексом, к которым она его принуждала. Однако на самом деле Шефер не просто отшлепал Кэти Ричардс. «То есть я хочу сказать, я бил ее камнем по голове, я этого не знал, пока, я хочу сказать, в то время я этого не знал. Я думал, что просто шлепаю девочку. Я бил ее камнем по голове, ударил много раз. Не знаю, сколько раз, знаю только, что много».

11 апреля к девяти тридцати утра Кэти Ричардс превратилась в «тело № 4762»: «худощавая белая девушка, одетая в окровавленную полосатую футболку, на задней части шеи и плече – мозговая ткань. Рубашка задрана над грудью. На ней перепачканные грязью, но новые голубые джинсы с подвернутыми штанинами и сине-голубые кроссовки. Правый – расшнурован, левый – туго затянут. На правой ноге нет носка. На левой – теннисный носок, синий в белую полоску. На правом башмаке в отверстия для шнурков вставлены пять заколок с цветными бусинами и значок с надписью: “Я люблю штат Мэн”. Кэти Ричардс скончалась в двадцать

часов тридцать минут в день похищения. Причина смерти – тяжелая черепно-мозговая травма в результате множественных ударов по голове тупым предметом».

Она была настолько обезображена, что восстановить лицо оказалось невозможно. Ее хоронили в закрытом гробу, и единственным человеком, который видел ее после смерти, был брат Кэти Том.

Утром после убийства Гэри Шефера тошнило. Он подумал, что заразился гриппом, позавтракал, но его вырвало. Потом он побрился, принял душ, начистил ботинки и отправился в церковь, где был одним из лидеров конгрегации. Шефер так и не вспомнил, что произошло с ним накануне. «Воскресенье, воскресное утро. Я всегда беру с собой тетю, мать, и мы идем с ними в воскресную школу. Я всегда еду на машине своей матери, когда я... меня тошнило, я плохо себя чувствовал и сразу же пошел в туалет, чтобы меня вырвало».

Бет Де Лоренцо, двоюродная сестра Гэри Шефера, сообщила полиции, что около трех часов пополудни в день похищения Гэри остановил свой «понтиак» по пути в Рутленд, чтобы отобрать на продажу несколько машин в спрингфилдском автомагазине, где он работал. Она вспомнила, что он выглядел огорченным из-за того, что не удалось увидеться с приемной дочерью, и еще его расстроила смерть отца, случившаяся ровно год назад.

«Моя двоюродная сестра Бет остановила меня и рассказала о пропавшей маленькой девочке, и что полиция приходила к ней домой, искали какого-то парня в красной куртке. И тогда я понял, что я должен был, я имел к этому... я был в этом виноват, так или иначе».

Бет Де Лоренцо заявила полиции, что видела двоюродного брата в церкви в воскресенье, на следующий день после того, как стало известно о похищении. Он попросил сестру пойти вместе с ним. Внезапно она спросила, приезжали ли к нему полицейские, ведь они уже навестили ее и расспрашивали домочадцев о красной куртке с капюшоном: парень, который похитил девочку в Спрингфилде, был одет в точно такую же. Позднее Де Лоренцо рассказывала, что Гэри снова побежал в церковь, и там его вырвало. Ему пришлось идти домой.

Шефер заехал на машине прямо в гараж, чего никогда раньше не делал, и запер за собой ворота. Он так тщательно вымыл машину, что в ней не осталось ни отпечатков пальцев, ни следов крови, ни каких-либо признаков пребывания Кэти Ричардс. В два часа машину конфисковала полиция.

«Я всегда хожу в красной куртке. После покупки я много ее носил. Я каким-то образом понял, что замешан в происходящем. Я просто ничего не мог сообразить, знаете, чтобы сказать, мол, ты сделал это или ты сделал то. У меня ничего не екнуло в голове, я ничего не мог вспомнить. У меня просто было такое чувство, и это было дурное чувство. Вы знаете, я попросил двоюродную сестру отвезти меня домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.